

ИЛЬЯ
МОРЕ МЕЧЕЙ

СЕРГЕЙ МАСЛОВ

Сергей Маслов

Илья. Море мечей

<https://litres.ru/74038736>

SelfPub; 2026

Аннотация

Деревенский сирота Илья всегда был чужим среди селян. Всё меняется, когда загадочный зов открывает ему путь к силе, недоступной большинству смертных. Теперь за ним наблюдают не только существа Нави и Прави, но и те, кто готов убивать ради могущества.

Чтобы обрести семью и раскрыть тайну своего происхождения, Илья должен пройти путь от деревенского батрака до героя, способного бросить вызов властелинам мира. Но за любую силу приходится платить.

Славянское героическое фэнтези о воле, древнем ремесле, чудовищах и человеке, мечтающем выковать идеальный меч.

Содержание

Пролог	4
Происшествие у реки	9
Случайная встреча	15
Новое место	21
Любовь к ковке и наставления	26
Первые проблемы	33
Защита чести	41
Отступление	54
Ночная вылазка	59
Большая удача	66
Новые правила	72
В поисках ресурсов	77
Превосходное мастерство	82
Чертополох	89

Сергей Маслов

Илья. Море мечей

Пролог

Худой мальчишка смотрел, как бескрайнее поле колосилось под тёплым летним ветром, а по небу плыли редкие облака, похожие на огромных животных.

«Кто знает, может быть, на спине каждого облака есть свой мир, или хотя бы город?» — подумал он, провожая очередное облако взглядом.

В руках он держал коромысло и два пустых ведра. Он совсем не слушал то, что ему говорил мужчина, стоящий рядом, и даже не пытался этого скрыть.

— Ты всё понял, что я сказал? — строго спросил мужчина.

— А? Да понял я, понял. Что там можно не понять, староста. Каждый день одни и те же обременительные поручения и упрёки.

— Ишь какой языкатый! «Обременительные». И где таких слов-то понабрался? Илья, погоди у меня! Если снова вернёшься с пустыми вёдрами, пусть это поле будет свидетелем, я тебя накажу.

— Почему вы ко мне так несправедливы, староста? Я обя-

зательно принесу воду.

Илья потер свежую ссадину на руке, а затем продолжил:

— Подожду, пока ребята уйдут от реки и сразу наберу воду.

— Болит? — кивнул староста, глядя на руку.

— Нет, — ответил Илья, отворачивая взгляд.

— Снова в лес бегал? Илья, дойдёт до того, что тебя там волки сожрут! Или кто похуже... — при этих словах Илья вызывающе посмотрел на старосту, сложив руки перед грудью, — Все в деревне знают, глубоко в лес ходить нельзя. Даже наши предки это знали, и на старом дубу с ликом Рода наставления оставили.

— На обгорелом что ли? Не видел я там такого.

— А чья в том вина, знаешь?

— Не моя! Думаете мне нравится получать выволочки за всё на свете?! За порванную одежду, за лопнувшее ведро, сбежавшую козу? — Илья перечислял всё, что пришло на ум, загибая пальцы.

— Да ты одна сплошная проблема, Илья! — вскинул руки староста, — Ты всё время споришь, старших поучаешь. Нет в тебе никакой покорности! Ты даже не пытаешься это как-то скрывать, ещё и перед другими не сдерживаешься, — староста многозначительно замолчал, а затем устремил взгляд в сторону деревни.

— Илья, пойми, мы люди деревенские, простые... Живём на самом краю, считай, на отшибе да в глухомани. И жизнь

наша здесь... — староста замолчал, увидев, что Илья вновь его не слушает, а затем крикнул:

— Илья! И как только тебя сюда привела нелёгкая?! Задарма тебя кормить никто не будет, так что придётся свой угол на подворье отрабатывать, и каждую вещицу, слышишь?! — староста наклонился ближе к Илье, поставив руки в бока.

— Да что я снова сделал?! — воскликнул Илья, глядя на старосту. Староста опустил голову и промолчал. Парень подобрал с земли камень и запустил его высоко в небо, словно пытаясь попасть в облако.

— Мне что теперь всю жизнь терпеть эти унижения от каждого встречного? Я не набиваюсь никому ни в сыновья, ни в друзья, ни во внуки. И не просил ни у кого приюта.

— Ну не будешь и не будешь, мне-то чего? Делай, что велют, да лишних вопросов не задавай. Я и так слишком много трачу времени на то, чтобы что-то тебе втолковать вместо того, чтобы просто дать тебе подзатыльник.

Староста пригрозил мальчишке кулаком, а затем примирительно продолжил:

— Ну всё, хватит болтовни.

Староста протянул Илье краюху хлеба, с которой была аккуратно срезана чёрствая корка.

— На вот, поешь. И отправляйся к реке, да принеси воды, нам в дом, на вечер, да чтобы свежая была, да ну и скотину напои тоже, — староста махнул рукой в сторону балки на

окраине поля.

Илья не стал препираться. Он взял хлеб и сунул его в карман. Грубо взвалив коромысло на плечо, он случайно опрокинул одно из вёдер, и не успев поймать, сердито пнул его. Ведро, перекатываясь, тарахтело, пока мальчишка не поднял его и не надел на коромысло. Повернувшись к старосте спиной, Илья немного улыбнулся, дотрагиваясь до кармана.

Староста хотел было вновь пригрозить пареньку кулаком, но вместо этого лишь покачал головой и устоялся на стоящий в поле одинокий дуб, обгоревший с одной стороны, вспоминая далёкое прошлое.

«Интересно, что бы староста говорил, если бы рядом со мной стоял мой отец. Отец... Да какая разница! Его всё равно нет», — мальчишка тяжело вздохнул.

Он увидел жука, севшего на коромысло. Сначала хотел его смахнуть, но затем взял прутик и аккуратно пересадил его на колосок.

Удалившись от деревни, Илья добрался до дуба, о котором говорил староста. Он достал хлеб и начал есть его, отломив небольшой кусок. Раскрошив его, он немного насыпал на муравейник, а оставшееся положил на ветку дуба для птиц.

Илья пристально посмотрел на обгоревшую часть дерева, дожёвывая хлеб, как вдруг крикнул:

— Род, ты тоже меня винишь? Считаешь, что обгорел из-за меня? Но я этого совсем не помню! Кто-то ведь притащил

меня в эту треклятую деревню. Не с тебя же я рухнул... Ай, будь они неладны, — махнув рукой, Илья продолжил путь к реке.

Ветви дуба лишь протяжно поскрипели под легким ветерком, и Илье показалось, будто листья что-то шепчут ему. Это наваждение тут же улетучилось, но мальчишка приложил руку к груди, с тревогой нащупывая оберег, скрывааемый за пазухой.

«Снова это чувство... Может быть, в этот раз я найду его источник. Но сначала я принесу старосте воду» — подумал Илья, крепче сжимая в руке коромысло.

Происшествие у реки

Илья шагал по тропинке к реке. Его лицо то и дело кривилось от раздражения, а взгляд натывался на противных насекомых, которых он встречал по пути. Среди них была назойливая муха, напоминавшая ему приставучего неуклюжего вида Кнута, от которого всегда пахло навозом. Неторопливая мокрица напомнила ему угрюмого Жмыха, который всегда ходил в сером засаленном кафтане. И конечно же червь, извивающийся под камнем, который Илья поддел ногой. Червём, естественно, был Лапоть. Долговязый и скользкий, с неказистой усмешкой, которую он демонстрировал каждый раз при встрече с сиротой.

В деревне он с болью наблюдал за тем, как его обидчикам доставались объятия и улыбки, подбадривание и радость, в то время как ему доставались лишь хмурые взгляды, тумачи и самые тяжёлые задания по хозяйству, которые ему давал не только староста, но и другие жители деревни.

Поэтому каждый шаг к реке давался ему тяжело, мысли о встрече с мальчишками портили разыгравшийся аппетит после съеденного у дуба хлеба.

Но Илья обещал принести воду старосте и не собирался отступать. Многие в деревне заботились об Илье лишь потому, что так велел обычай. Даже самым презренным давали кров и пищу. Так завещали предки и Род, а идти против их

воли считалось преступлением. Однако староста всегда был честным, хоть и суровым.

Илья даже не знал, откуда взялось его имя, которое часто было предметом насмешек. Староста лишь рассказывал, что однажды это слово смог разобрать странствующий отшельник, давным-давно случайно забредший к ним в деревню, взяв в руки амулет, который нашли при мальчишке, и который он теперь берёт даже сильнее жизни.

Илья добрался до реки, и тут же позабыл о своих мыслях. Нахмурившись, он глянул на шайку деревенских подростков, которая уже бежала к нему навстречу. Все они хохотали, что-то обсуждая. До него доносились обрывки фраз — «никчёмный сиротка», «оборванец» и «приблуда».

Илья окинул взглядом свои лохмотья и сделал вид, что не замечает приближающуюся ватагу, продолжая двигаться к реке.

— Эй, Илья, кусок гнилья! А-ха-ха-ха! Снова пачкаешь нашу воду своими грязными ведрами! — пробормотал высокий парень, небрежно толкая мальчишку. Илья упал на землю, всеми силами стараясь не упасть в реку.

«Ничего, сегодня снова кого-то из них точно проучу», — подумал он.

Илья ничего не ответил и попытался встать.

— Не смей мне не отвечать! Кто позволял тебе вставать? — грубиян снова толкнул Илью.

— Это не ваша река, и вода не ваша, Лапоть! — заявил

Илья, вновь поднимаясь и отряхивая свою перелатанную одежду.

— Парни, этот выродок смеет открывать рот. Поймаем его и проучим как следует! — задира-зачинщик толкнул Илью, и тот снова плюхнулся.

Когда Илья опёрся на руку, из-за пазухи его рубахи свесился кулон на верёвке в виде когтя то ли животного, то ли крупной птицы, с какими-то вырезанными символами.

Высокий парень, улучив момент, сорвал кулон с шеи Ильи.

— А-ха-ха, наконец-то я смог его сорвать! — нахально глумился он над парнишкой. — Украшение для девчонок! Ты ведь украл его, признайся? Откуда такая вещица у по-мойной крысы? Пожалуй, мамке своей отдам, — смеялся тот, поднимая оберег высоко над головой на всеобщее обозрение.

Амулет мальчишки привлекал внимание даже взрослых. Но староста, как главный опекун, строго-настрого запретил всем жителям пытаться его забрать и остальным пришлось уступить.

— Отдай! — крикнул Илья, и прыгнул на обидчика. От мысли о потере кулона к его горлу подступил ком, а за этим пришла злость и ярость.

Неожиданно для себя он вырвал кулон из рук Лаптя и, напряжённо озираясь, начал медленно отступать.

— Да как ты смеешь! — Лапоть ядовито посмотрел на

Илью, криво улыбнулся, а затем достал из-за спины крупный нож.

Кто-то присвистнул, а один из мальчишек сказал:

— Откуда у тебя нож, Лапоть? Лучше убери, пока никого не покалечил.

— У бати одолжил. Ничего. Он не узнает. Не бойся, Жмых, пусть просто отдаст мне оберег.

Илья не стал ждать действий Лаптя и побежал по знакомой тропе. Он знал, что поодиночке справится с каждым из них.

Однако в этот раз толпа была настроена серьёзно. Несмотря на то, что Илья продумал путь отступления, они не отставали. Бросив коромысло с ведрами, Илья прыгнул в реку и побежал вброд. Он полез по склону вверх, но мокрая одежда и ноги скользили по земле, а колючки впивались в кожу. Взобравшись на уклон, Илья бросился сквозь бурелом, раздирая и без того рваную одежду. Кто-то из мальчишек, не удержавшись, упал со склона и жалобно закричал. Судя по всему, Кнут, но Илью это не обрадовало. Он понимал, что нужно бежать как можно быстрее.

Наконец, он нашёл еле заметную тропу, по которой ходил в лес прежде. Она вела вверх по склону, и выходила к деревне по другой части пролеска. Перебирая руками, Илья торопливо карабкался наверх, не обращая внимания на ссадины.

Но его обидчики не собирались отступать и продолжали

преследование, посылая проклятия ему в спину.

Илья уже собирался ускориться, добравшись до верхней части уклона, но некоторые мальчишки были быстрее и уже оббегали его с другой стороны, пытаясь перерезать путь.

Так они оказались у обрыва крупного оврага, которым заканчивался уклон. Почувствовав себя в ловушке, Илья занял оборонительную стойку.

— Ну что, добегался? Бежать некуда, поганец, — заявил предводитель задир.

— Пацан, просто отдай ему то, что он просит, — добавил Жмых, заходя справа от Ильи.

Подбегавшие мальчишки замыкали полукруг, отрезая Илье пути к отступлению.

— Может, моя одежда грязная и поганая, но не настолько, как ты! — теряя надежду на какой-либо выход, закричал Илья.

— Отдавай сюда амулет! — закричал предводитель шайки, налетая на Илью.

Не успел парнишка среагировать, как мощный удар наверху ножа сокрушил его скулу, и он почувствовал, как кровь обильно приливает к левой стороне лица. Вместе с приливающей кровью приливали и ярость. Падая на землю, он почувствовал такую обиду и злость, безысходность и несправедливость, от которой подташнивало, и его взгляд начал застилать пелена.

Его пальцы инстинктивно сжимали землю, перемешан-

ную с камнями, когда он сам неудачно приземлился на уступ.

— Твари! — закричал он, резко поднимаясь с земли, и сжимая в кулаке небольшой зелёный камушек, напоминающий незрелый жёлудь, который он случайно схватил с земли вместе с другими камнями.

Илья почувствовал, как через ладонь в него начинает вливаться сила. Она была такой необычной и неотвратимой, что всё тело пронзила боль, а мышцы свело от напряжения.

Скорость, с которой он вскочил на ноги, была невероятной. Никто не успел даже опомниться, как мощный, словно раскат грома, удар пришёлся слева по рёбрам Лаптю, что даже в такой суматохе был слышен хруст ломающихся костей. Время на мгновение застыло, а затем Лапоть полетел на несколько сажений¹ назад, а Илью с силой оттолкнуло в противоположную сторону, как будто обоих лягнула испуганная лошадь.

Никто не ожидал этого, но, сжимая в руке жёлудь, мальчишка покатился со склона прямо в ущелье, в то время как Лапоть пропахал спиной камни на вершине.

— А-а-а, чтоб ты сдох! — жалобно прокричал покалеченный Лапоть, обильно отхаркивая кровь и пытаясь встать с помощью своих прихвостней.

¹ Прим. автора: около 2 метров

Случайная встреча

На дне ущелья лежал Илья. Его тело покоилось бездыханно, руки и ноги обмякли. Обломки рёбер показывались сквозь рваную рубаху, а на голове были ссадины и глубокие порезы. Алые ручейки растекались из каждой раны, пропитывая всё вокруг. Травмированная рука всё ещё удерживала зажатый в ней камень, пропитавшийся кровью, перемешавшейся с землёй.

Мухи и мошки, почувствовавшие запах раненой плоти, пытались приблизиться к телу, но невидимый барьер преграждал им путь. Прямо под рукой, сжимавшей камень, присыпанный землёй лежал свёрток. Ткань на нём давно истлела, и её заменили продукты разложения и окаменелости.

Напитавшись кровью, камень в руке и свёрток начали издавать мягкий свет, который постепенно усиливался. Предмет внутри свёртка притянул камень и выплавил его в себя, а затем начал меняться и сам, стягиваясь к форме жидкой сферы. Слившись воедино с камнем, сфера вспыхнула и втянулась в тело Ильи.

На лице мальчишки возникла гримаса боли и агонии, жизнь на мгновение вернулась в тело. Оно изогнулось дугой, а руки разошлись в стороны в конвульсиях. Ненароком одна рука коснулась корней растущего рядом дерева одичавшей груши, и тело Ильи вспыхнуло ярким пламенем. Мальчишка

исчез, и на месте его тела не осталось даже горстки пепла.

Между тем по колее через дремучий лес медленно катилась телега кузнеца. В телеге сидели две девочки, игравшие в самодельные куклы из растений. Кузнец напевал мотив какой-то веселой песни о деревенской жизни, сегодня он продал пару хороших вещей, и ему дали отличный заказ: за полгода выковать полуторный меч на пятнадцатилетие сына местного зажиточного купца.

Одна из девочек вскрикнула и затараторила:

— Батенька, смотрите, там у дерева лежит человек!

Кузнец резко остановился и начал озираться по сторонам, попутно вытаскивая длинный нож. Его лицо было спокойным, а хватка — стальной, но движения были плавными и тихими.

Медленно подойдя к обочине, кузнец увидел тело мальчика в ушибах и запекшейся крови. Его грудь редко вздымалась. Глядя на это, кузнец понял, что мальчишка ещё жив. Рассмотрев разорванные окровавленные лохмотья, кузнец покачал головой, после чего взглянул на своих дочерей. Глаза на мгновение стали влажными, и он вновь повернулся к мальчику.

Аккуратно взяв его на руки и выговорив вслух несколько проклятий тем, кто мог сотворить такое, он перенёс парня к телеге. Тем временем девочки расчистили место, чтобы отец мог положить мальчика.

— Ох, а он такой симпатичный! — сказала одна из дево-

чек и захихикала.

Кузнец лишь хмуро глянул на дочь, но ничего не сказал. Он и сам на секунду застыл, увидев лицо парнишки. Отмахнув рукой невидимое наваждение, он взял лошадь под уздцы и направился к своей деревне.

— Будьте здоровы, парни! — подъезжая к деревне, кузнец поздоровался с деревенскими товарищами. Плотник чинил резную ставню избы с посеребшими бревенчатыми стенами. Рядом топорами стучали мужики, которые чинили прореху в частоколе, выставленном вокруг деревни.

— Здорова, Коваль, доброго дня! Ты с погоста? Народу много? — спросил кузнеца плотник, откладывая резец.

— Да, с погоста. Людей немного, но заказы есть.

Перебросившись парой фраз, кузнец продолжил путь к дому, и его лошадка зацокала по каменной мостовой, которая сменила пыльную колею.

На окраине деревни раздался лай собак. Почуввав хозяина, собаки подвывали, а те, что были помельче, вылезли через подкоп под забором и бежали навстречу хозяину.

Приехав ко двору, кузнец подкатил телегу к кузне, погладил псов, после чего перенёс Илью в избу. Он разместил его у самого тёплого места своей комнаты, прямо на печке. Дом был небольшой, печь стояла посередине, а комната была поделена на части занавесками, сшитыми из старых тряпичных лоскутов.

— Папенька, а чего это с ним? Что это за мальчик? —

спросила одна из девочек, ворвавшись вслед за отцом в избу. Вторая осторожно выглядывала снаружи, не торопясь заходить внутрь.

— Не знаю, Милаша. Надеюсь, он сам всё расскажет. Придётся убрать мои заготовки в кузню, которые я сложил в углу. Помогите мне вынести инструменты и принесите соломы из хлева и поставьте горшок с водой в печь. Я буду спать в углу, а парнишка пусть лежит на печи, я её немножко растоплю.

— Папенька, так ведь лето на дворе, — Милаша развела руками.

— Ну и что, что лето. Вон он какой белый, ему тепло сейчас нужно. Тепло и покой.

Разместив парня, кузнец очистил раны и перевязал их, после чего некоторое время постоял рядом с мальчиком, а затем занялся рутинными делами.

Илья лежал на печном выступе, тяжело дыша и пребывая в своём мятежном сне. Несмотря на беспамятство, в его теле происходили изменения, которые трудно было заметить внешне. Мышцы постепенно увеличивались в объёме, кости срастались, под изодранной кожей росла новая, более прочная и эластичная.

На следующий день кузнец первым делом проверил состояние найдёныша. Он улыбнулся, увидев, что раны мальчишки уже затянулись. Потрогав его лоб, кузнец почувствовал исходящее от него тепло. Его улыбка стала шире. Хозяин дома всего однажды очистил тело парня от пыли и грязи

— в тот день, когда привёз его из леса. Больше омыwać его не приходилось, так как мальчик не принимал ни каши, ни мёда, ни воды.

На третий день Илья начал приходить в себя. Не совсем приходить, ведь это никак не отражалось внешне. Скорее, осознавать свой сон, в котором он пребывал. А если ещё точнее, то ощущать по-иному, ясно, будто другое пространство — свой внутренний мир. Сначала Илья подумал, что упал в чёрное лесное болото. Он пытался выбраться из вязкой жидкости наружу, но она ему всячески сопротивлялась, сковывая движения рук и ног.

Илья не мог дышать, но и не задыхался. После очередной попытки вырваться из тягучего плена он как будто бы оступился и начал падать. Сначала он просто падал, кувыркался, совершенно не владея своим телом. Приловчившись удерживать баланс, он почувствовал растущую силу притяжения и вскоре ногами коснулся чего-то твёрдого. Ступни коснулись холодной, идеально гладкой основы. Глаза начали различать происходящее, и он увидел своё отражение на поверхности.

— Что это? — Илья ощупывал холодную гладь. Давящая тишина сковывала. Что бы Илья ни делал, ничего не менялось. Он пробовал идти, бежать, подпрыгивать, лежать, сидеть — холодная гладь оставалась неизменной.

Илья ударил кулаком о твердь и послышался звон, словно ударили в колокол. Закрыв уши, чтобы не оглохнуть, он

начал ощущать запах металла и этот запах становился всё сильнее и сильнее.

Новое место

Прошло ещё тридцать дней.

Илья так и не просил ни еды, ни воды. Коваль даже ездил в соседние деревни, чтобы попросить помощи у местных знахарей, но те лишь разводили руками после того, как осматривали Илью. Никто из них не знал, что можно сделать. Если бы не слабое дыхание и румяный цвет кожи, Илью отправили бы в Навь, закопав тело за деревней.

Тем не менее, Коваль по-прежнему не терял надежду. Он всё ещё проверял состояние парня пару раз за день. Порой он просыпался ночью в холодном поту, и долго вслушивался в тишину рядом с Ильёй, пытаясь обнаружить дыхание.

Теперь Коваль заботился не только о дочерях, подворье и огромной своре псов, но и о найденном парнишке.

— Милаша, Дуняша, пока парень не очнётся, вам помогать по хозяйству, собак кормить. Справитесь?

— Папенька, как будто мы раньше этого не делали! — поставив руки в бока, заявила Милаша. — Между прочим, это я Крепыша выходила, а Дуняша из реки притащила Белку и Шишку.

— Ну-ну, не горячись, знаю, что справитесь, — кузнец потрепал дочерей по волосам, и направился в кузню.

На тридцать третий день рука Ильи начала подрагивать. Постепенно мелкие судороги передавались по телу. В своём

сознании он начал ощущать, как металлическая твердь под его ногами становится мягкой и зыбкой. Его ноги постепенно тонули в трясине одна за другой, пока он судорожно пытался выкарабкаться, но вместо этого он лишь ускорял своё погружение. Из последних сил делая глубокий вдох металлического воздуха, он инстинктивно закрыл глаза, после чего сделал последний яростный рывок, в попытке выплыть.

Кузнец пытался удержать тело юноши, которое билось в конвульсиях, когда Илья неожиданно открыл глаза и его тело тут же вновь обмякло.

— Кто вы?! — воскликнул Илья и попытался отпрянуть в сторону, но вместо этого кубарем покатился на пол. Попытался встать ещё раз, но ноги и руки подкосились, и, упав на пол, он просто продолжал лежать, глядя на кузнеца встревоженным взглядом.

Собаки, которые в этот момент находились в доме, залаляли от неожиданности и непривычного голоса.

— О-о-о, неужели очнулся, мальчонка! — загромыхал Коваль, повернувшись к парню. — Чего это ты так выпрыгнул? Ты уж побереги себя.

— Дядя, кто вы? Где я? — спросил настороженно Илья, снова безуспешно пытаясь вскочить с пола.

Коваль подошёл и облокотил Илью спиной об печку. Он уложил его ноги так, чтобы тот больше не падал, а затем вновь отошёл в сторону.

— Меня зовут Коваль, можешь звать меня дядя. Я кузнец.

Лебяжья шея, слышал такую? Я тебя в лесу нашёл, полуживого. А больше мне про тебя сказать нечего. Тебя-то как звать, и откуда ты, мальчонка? И кто это тебя так умучал?

— Илья, — сухо сказал парень, продолжая смотреть с недоверием.

— Илья, значит. Ты, Илья, не бойся. Извини, еду тебе ска-зали сразу не давать, но пить можно, — Коваль приложил к губам Ильи глиняную кринку, и тот жадно начал делать глотки.

— Что за вода такая, дядя? Я такую никогда не пил. Мож-но ещё?

— Чего ж нельзя. Можно, — Коваль подошёл к столу и налил ещё воды из сосуда побольше, после чего вернулся к мальчишке.

— Откуда ты, Илья? — спросил Коваль, продолжая при-держивать кринку.

— Из деревни Заовражья Галька. Заоврага ещё называют. Я помню, как падал в большой овраг. А вы зачем меня оттуда выкрали? — снова задал вопрос Илья, смотря на вставшего на ноги кузнеца исподлобья.

— Да какой уж там, выкрал. У нас тут оврагов отродясь не было. Ты ничего не выдумал ненароком? Я и про деревню такую не слышал.

— Выдумаешь уж тут такое. Я вот про вашу Лебединую Шею тоже не слышал, — проворчал Илья, а затем немного покраснев, добавил:

— Спасибо, дядя, если ты спас меня. Только вот взамен мне дать нечего, уж извини. Так что если какое-то вознаграждение полагается, то я твой должник.

— Какой ещё должник! За такое долг? Заладил тут. Вот! Лучше выпей водицы свежей.

Илья взял протянутую кринку еле послушной рукой и, стараясь не расплескать ни капли, выпил воду до дна.

— Спасибо, дядя Коваль, ещё раз за воду.

— Пей, пей на здоровье, чем богаты, тем и рады, сынок. Смотрю, приходишь в себя, рука уже послушнее стала. Что делать-то планируешь, как домой возвращаться?

Илья уставился на свою руку, пару раз сжал пальцы в кулак, а затем, словно что-то вспомнив, торопливо сунул руку под рубаху, пытаясь что-то нащупать. Обнаружив амулет на своём месте, Илья ответил кузнецу:

— Даже не знаю, дядя. Может быть, у тебя работа найдётся?

— А что с родителями-то твоими, Илюша? Беда может какая случилась?

«Вдруг родители за мной вернутся, а меня нет. Хотя кого я обманываю? Не вернётся никто за мной, да и сам я невесть где», — на глазах Ильи навернулись слёзы, и он торопливо отвёл взгляд в сторону и ничего не ответил. Кузнец присел на деревянную лавку и, подперев кулаком голову, задумчиво посмотрел в окно.

— Работа-то найдётся, конечно. Ты хоть и юнец слабов-

тый, даже мелкий-то молоточек тебе доверить опасно, но это дело наживное. В хозяйстве всегда руки нужны. Ладно, ты отдыхай. Позже с тобой потолкуем, как сил наберёшься. А пока давай обратно на печку. Сам встать сможешь?

— Смогу, — сказал Илья, пытаясь встать, и тут же рухнул на пол.

Кузнец подал ему свою грубую массивную руку и сказал:

— Вот, обопрись. И смотри Белке на хвост не наступи, а то укусит.

Любовь к ковке и наставления

Так началась жизнь Ильи при кузне. Он вставал с первыми лучами солнца, умывался и весь день трудился вместе с кузнецом. Утром помогал кормить животных, поливал и очищал от сорняков грядки, затем уходил в лес заготавливать дрова, набирал воду из колодца, а всю оставшуюся часть дня работал в кузне.

Ему нравилось трудиться в кузне, поэтому он старался закончить все дела как можно раньше, чтобы поскорее вновь взять в руки молот и прикоснуться к наковальне. Как только к нему попадала очередная заготовка, он с интересом разглядывал её, мысленно представляя то, что будет из неё ковать.

Случалось так, что какие-то заготовки ломались, или из них получались грубые предметы. Тогда Илья начинал процесс сначала, стремясь добиться лучшего результата.

Коваль иногда ворчал, что Илья зря расходует материалы, но чаще замороженно смотрел на то, как его подмастерье трудится в попытках достичь нужного результата.

— Да держи ты щипцы крепче, Илья!

— Вот так?

— Да нет, сильнее сжимай! И бей ровно – в центр, да, вот так уже лучше.

Когда Илья уходил спать, Коваль оставался в кузне и разглядывал каждое изделие, которое за день выковал Илья. По-

началу это были лишь гвозди, но со временем это были уже и вилки, оправы, ободы и другие бытовые изделия.

— Илья, просыпайся, уголь заканчивается, сегодня пойдём в лес.

— Староста мне говорил, что деревья в лесу рубить нельзя, а то можно беду навлечь.

— Твой староста дело говорил, ну а где же вы дрова брали?

— В основном валежник собирали, ну и упавшие деревья распиливали.

— Ну так и мы что попало рубить не будем. Лес надо беречь, тогда и Лихо не проснётся. А ты что, в лес ходить боишься?

— Я-то? — Илья свёл брови и начал торопливо натягивать штаны и рубаху.

Коваль шёл по свежей тропе, позади него не отставал Илья. Парнишка оглядывался по сторонам, с любопытством осматривая лес.

— Красиво у вас в лесу, дядя Коваль. Столько сосен и елей. У нас таких почти не было.

— А что росло в вашем лесу?

— Ну, в основном осины и ясени, иногда встречались клёны и берёзы.

— Для угля это хорошие деревья, а у нас берёза в ходу. Но если её нет, то и сосна сгодится, но от неё копоты много, — Коваль резко остановился и придержал рукой мальчишку.

— Чшш, — прошипел он, присев вплотную к парню, и приложив ладонь к его рту.

Илья устремил взгляд туда, куда смотрел кузнец. За деревьями двигалось какое-то существо. Сердце Ильи учащённо забилось. Он сделал глубокий вдох, и ему показалось, что воздух немного пахнет металлом. Илья было подумал, что так пахнет рука Ковалея, но запах неожиданно рассеялся так же, как и появился.

Пристально вглядываясь, Илья увидел великана пяти аршин ростом, обросшего мелкими деревцами и мхом. От его туловища исходил легкий пар, а почва прогибалась под его стопами. При этом великан не издавал ни единого звука, ни одна веточка не хрустнула под его тяжестью.

Медленно передвигаясь, существо игнорировало спрятавшихся за деревом людей и продолжало идти своей дорогой.

Дождавшись, когда великан уйдёт, Коваль разжал руку.

— Дядя, кто это был? — Илья уставился на Ковалея, округлив глаза.

— Это леший, сынок. Он нас не тронет, но лучше не рисковать. Возможно, он что-то ищет. Или кого-то. Сегодня лучше добудем немного руды.

Коваль сделал пару шагов, в то время как Илья продолжал заморожённо смотреть вдаль.

— Пойдём! — кузнецу пришлось вернуться и взять мальчишку за руку, чтобы тот оторвался от наблюдения за молчаливым лесом.

Какое-то время оба шли молча, стараясь не нарушать тишину, от которой звенело в ушах.

Вернувшись ближе к деревне, кузнец свернул в сторону заболоченного пролеска и показал Илье прибрежный участок, возле которого лежали шесты и грабли.

— Смотри, видишь, здесь у деревьев корни бурые? Обычно в таких местах есть руда, — кузнец несколько раз провёл шестом по дну, вместе с илом вынимая бурые комья, размером с кулак мальчишки.

— Это руда. Давай соберём немного и отнесём домой на просушку.

Через пару дней, после того как руда высохла, Коваль показал, как обжигать руду и получать крицу, из которой и делали сырые заготовки с примесями. После этого Коваль выбивал их вручную, очищая до железа.

Переняв весь цикл работы в кузне, Илья начал подменять кузнеца, когда тому приходилось отлучаться. Со временем он ковал всё более сложные изделия, которые постепенно становились похожими на работы настоящего кузнеца.

— Илья, какой хороший нож. Ты сам придумал придать ему такую рукоять?

— Нет, дядя, подсмотрел у одного дружинника. Тебе нравится?

— Да, это отличная работа, сынок! — Коваль похлопал по плечу мальчишку, не отрывая взгляда от клинка.

Тело Ильи становилось плотнее и крепче. От ежедневной

работы с молотом его мышцы и плечи росли, заставляя Коваля искать для парня всё более просторные одежды.

Дни сменялись один за другим. Илья по-прежнему оставался нелюдимым, предпочитая общаться только с Ковалем и его дочерьями и продолжая тяжело и усердно работать в кузне.

Иногда Милаша и Дуняша могли так разбаловаться, что даже обычно угрюмый Илья давал волю чувствам, и весело хохотал, увлечённый девичьими забавами.

— Илюша, смотри какой я нашла одуван! — сказала Дуняша, подбежав к Илье, когда тот вышел передохнуть из кузни.

— Одуванчик, глупышка! — поправил девчушку Илья и потрепал её по волосам рукой, из-за чего у неё взъерошились волосы.

— Ах, ты! — воскликнула Дуняша и дунула на одуванчик так, что все семена разом полетели Илье в лицо. Тот неуклюже оступился, нога попала в стоявшее рядом ведро с водой, и он плюхнулся мягким местом прямо на лежавшую рядом кучку золы. Зола взлетела седым облаком, оседая крупными хлопьями на голове Ильи.

— Ну, Дуняшка! — крикнул Илья, вскакивая на ноги, и со смехом погнался за девчонкой, мимо разбегающихся с их дороги своры собак.

— Дуняша, Илья! А ну в дом! Милаша уже достала грамоту, сейчас будете читать по очереди, — кузнец сделал па-

узу, а затем добавил:

— Илья, ты бы привёл себя в порядок, выглядишь как чёрт лесной.

Дуняша в это время показала Илье язык и скрылась за широкой спиной отца.

Год сменялся годом. Спустя пять лет жизни у Коваля Илья не только очищал сплавы, но уже и ковал искусные изделия.

Частенько, вместе с Ковалем, Илья ездил за покупками на погост, куда стекались все ремесленники и купцы из ближайших деревень. Больше всего, помимоковки, Илье нравилось ходить по лавкам, и рассматривать всё диковинное, что продавали купцы и ремесленники. Он часто слушал, как травники обсуждали травы, их названия и для чего они используются, но, когда кто-либо из них обращался к нему с вопросом, чем могут ему помочь, тот торопливо откланивался и избегал разговора. Заходя с Ковалем в трактир, чтобы перекусить, Илья слушал приезжих, впитывая все новости, какие мог разобрать. Между делом забегал в лавки писарей и разглядывал руны и начертания, чтобы потом расспросить Коваля о новых символах.

Тем не менее, Илья не стремился заводить разговоры с людьми и сторонился их. Так продолжалось до тех пор, пока Илья не проснулся первым, впервые за долгое время.

Потянувшись, Илья осмотрелся по сторонам. Утро уже давно наступило, но Коваль почему-то продолжал лежать в углу, хотя обычно он вставал первым.

— Дядя Коваль, пора вставать, — прошептал Илья, стараясь не разбудить сестрёнок.

Коваль не ответил, тогда Илья подошёл поближе, чтобы растолкать кузнеца, и лишь едва толкнув того руками, почувствовал, как тело Коваля отдаёт жаром.

Первые проблемы

— Да леший с тобой, Илья! Чего ты так раскричался? — спросил проснувшийся Коваль и закашлялся.

— Дядя, да ты весь горишь! — воскликнул Илья. С тревогой глядя на кузнеца.

Кузнец приложил ладонь ко лбу, после чего попытался сесть. У него вышло только приподняться, оперевшись на руку.

— Видать вчера переохладился на болотах. Ну ничего, сейчас расхожусь и поеду на погост, — Коваль вновь попытался встать и тут же рухнул обратно на постель.

— Куда тебе, дядя, лежи. Тебе нельзя вставать.

— Ничего не поделать, мне нужно сегодня обязательно на погост, — проговорил Коваль, закрыв глаза и пытаясь скрыть нахлынувшую боль.

— Дядя, я поеду, — сказал Илья, незаметно сжав руки в кулаки.

— Илья, да куда ты поедешь? Я должен сделать это сам. Я должен встретиться с человеком, с которым и сам не хотел бы встречаться.

— Ты мне не доверяешь?

— Дело не в этом. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Ничего со мной не случится. Я в любом случае поеду,

чтобы навестить знахаря. Говори, что нужно делать.

Кузнец немного помолчал, пристально глядя на Илью. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Конечно, дядя Коваль, расскажи, что надо делать, и я всё сделаю.

— Вон, Илья, мешочек лежит, Житомиру передай. В часть долга моего. И смотри не потеряй.

— Снова этот ростовщик тебя шантажирует? Почему ты ему подчиняешься, дядя?

— Не спорь, Илья. Коль уж взялся за дело. И товары, и заказы распродай. Я их с вечера в телегу сложил.

— Прости, дядя, просто я его на дух не переносу.

— Знаю. Я тоже.

— Ну всё, отдыхай. Девчонкам скажу, чтобы позаботились о тебе.

Проверив повозку, и укрыв товары тентом, Илья отправился на погост.

Не проехал он и две версты, как лошадь, запряжённая в телегу, начала сбиваться с шага. Её явно что-то беспокоило. Уши крутились в стороны, она храпела и сопела, фыркала и ржала. Илья, прислушался, но услышал только ерзанье в телеге.

— Пррр... Стой Тихоня, не семени, кто-то залез в телегу. Ты поэтому так заперезживала?

Илья слез с телеги, и обойдя её сзади, резко развернул полог.

— Ха, Дуняша, ты как сюда попала? — воскликнул Илья, обнаружив дочь кузнеца под пологом.

— Эээм, не знаю, просто так получилось! — сказала Дуняша, отводя взгляд в сторону.

— Дуняша, тебе уже четырнадцатый год, а ты по-прежнему даже соврать толково не можешь! Зря я тебе вчера сладких ягод и орехов из леса принёс. Разбаловалась совсем! Почему ты не дома, с отцом? — строго спросил Илья. Дуняша лишь продолжала молчать, не смея смотреть в глаза старшему.

— Маленькая проказница, спряталась тайком в телеге, пока я не видел? Нам нужно вернуться домой, пока дядя Коваль с ума не сошёл!

Суета Тихони только увеличивалась. Она то топала копытом, то крутила головой. Было видно, что её глаза пошли навывкат.

— Братик, ничего не будет, не переживай! — залепетала Дуняша. — Милаша осталась с папенькой, она за ним присмотрит. А если тот спросит, скажет что я у бабы Федотьи, и до вечера буду помогать по хозяйству. Я о-о-очень хочу на ярмарку, и папенька всегда брал нас с собой! Я должна туда попасть, я не могу всё время сидеть дома!

— Ну уж Милаша точно горазда врать! Дуняша, так не пойдёт, — сказал Илья, подходя к лошади, чтобы развернуть телегу. — я не могу подвести дядю Ковалья, это слишком опасно.

— Нет, я...

— Тихо! — резким шепотом перебил её Илья. — Я что-то слышу.

Краем глаза он увидел в двадцати саженьях ²выходящего из-за дерева волка. Выйдя из-за дерева, волк стоял и смотрел на них. Он уже не прятался, а смотрел прямо на Илью, издавая протяжный рык и приопустив голову.

— Быстро, залазь за корзины и сиди тихо! — крикнул Илья, запрыгивая на телегу и отпуская поводья. — Н-н-н-о-о-о! Тихоня, н-н-н-о-о-о-о!!! — закричал Илья, подстёгивая поводьями лошадь по крупу.

Мышцы Тихони и так были напряжены до предела. Но не успела она сделать и пять рывков, как сбоку из леса на них прыгнул ещё один крупный волк.

Зрачки Ильи расширились, и он стиснул зубы. В своей руке он сжимал кочергу, которую он выхватил из телеги в последний момент.

Сначала волки были нацелены на кобылу, но увидев маленькую девочку и захудалого мальчишку, они нацелились на них.

Прыгая на телегу, волк открыл свою огромную пасть. Дуняша замерла от страха, и вжалась в телегу, прикрываясь корзинами и пологом.

Волк был уже в мгновении от цели, из его пасти летели обильные брызги слюны. На голову волка опустилась кочер-

² два метра

га.

У волка были плотные, массивные кости, особенно в лобовой части черепа. Шрамы, покрывавшие шкуру у головы, выдавали опыт и пережитые схватки с другими крупными соперниками. Завидев кочергу, волк не испытал страха, инстинктивно считая такую атаку незначительной.

Однако Илья, опуская кочергу на летящего волка, почувствовал, как внутри него расцветает воля, словно расплетая лепестки в груди, наполняя его тело мощной энергией, силой, остротой движений. Во рту ощутился металлический привкус. Чужим голосом внутри его головы прозвучали слова: «Изначальный сокрушающий удар!».

Приземляясь на голову волка, кочерга не встретила сопротивления. Илья ощутил мягкое препятствие, как будто он веткой вытряхивает пыль из старой шкуры животного.

Встретив удар в лоб, волк лежал беззвучно, только тело ещё содрогалось в конвульсии.

Вожак стаи, ощутив, что внезапная атака сорвалась, на бегу издал протяжный вой. Параллельно несущейся телеге, появилась стая волков, готовящихся к атаке. Они не слышали никаких звуков от павшего сородича, но уловив запах крови, они зашлись яростью.

Вытерев выступивший пот со лба, Илья покрепче сжал кочергу, озираясь по сторонам. Волки решили снова атаковать телегу, пытаясь достать до Ильи.

Одновременно с двух сторон прыгнули два волка. Снова

ощутился металлический привкус и в голове Ильи снова возникли слова: «Изначальный молниеносный удар!».

Его рука произвела зигзагообразное движение, ударяя одного из волков по корпусу, а другого по задним ногам, отправив первого в полет, в сторону леса, в другого заставляя крутиться в воздухе как вертушку, вокруг своей головы.

Было слышно, как волк, получивший удар первым, мешковато упал в лес, в то время как второй с протяжным, раздирающим душу воем рухнул на дорогу.

Остальные волки резко остановились, и, несмотря на свой охотничий раж, стали кругом перед своим раненым членом стаи. Телега продолжила движение вперёд и волки отстали от погони.

Илья мчался во весь опор, с трудом управляя обезумевшей от страха кобылой Тихоней. Его тело сотрясало от напряжения и непонимания произошедшего. Под пологом ревел Дуняша, стараясь делать это как можно тише.

— Ну всё, всё, Дуняша, успокойся, всё хорошо, мы оторвались. Я их отогнал, сестрёнка. Вон, одного даже удалось в телегу завалить, только не пугайся.

— А я и не испугалась, — сказала побелевшая до смерти Дуняша, рукавом стирая слёзы. — Папенька с охоты и не таких страшил приносил, что тут страшного?

Высунувшись полностью из-под полога, она тоже взяла кочергу и потыкала ею волка.

— И правда издох, — сказала девчушка, подавляя оче-

редной всхлип. — Что нам теперь делать, Илюша? Как мы теперь вернёмся? Вдруг они снова на нас нападут? — спросила Дуняша, прервав тишину.

— Мы уже слишком далеко отъехали, поэтому поедem на погост, и продадим все товары. И мне обязательно нужно попасть к знахарю. К тому времени, как мы будем возвращаться, волкам придется отступить в другое место. Сейчас возвращаться точно не стоит.

— То есть я всё-таки попаду на ярмарку? — взволнованно всхлипнула последний раз Дуняша, а затем расплылась в улыбке.

— Получается, что так, — ответил Илья, растерявшись от вопроса сестрицы.

Оставшуюся часть дороги они не разговаривали. Илья был угрюмым, а Дуняша напевала какую-то песенку.

По пути они лишь раз остановились у ручья, чтобы напиться воды и напоить лошадь. Илья посмотрел на серого, который пал от его руки, и решил, что шкуру волка можно использовать. Провозившись некоторое время со шкурой, он вымыл руки, разложил шкуру на телеге под солнечные лучи, и они отправились дальше.

Илья, продолжал молчать, а на редкие вопросы Дуняши отвечал односложно. В голове мелькали совсем другие мысли.

«Это, конечно, хорошо, что нам удалось спастись. Но что за странные фразы всплывали у меня в голове, что это за

металлический привкус и откуда появился этот прилив сил, энергии? Как я смог так быстро двигать рукой? Какое-то знакомое чувство, но я никак не могу вспомнить и разобраться с этими образами, которые появились в момент опасности».

Защита чести

Мало-помалу они доехали до поселка. Ярмарка уже началась, и народ стягивался. Илья решил, что сначала он посетит знахаря и купит лекарство. Оценив симптомы дяди, он уже сам понимал, что ему необходимо, и, не вдаваясь в подробности, купил необходимый отвар.

После этого они зашли в лавку кожевника, и тот на скорую руку обработал шкуру волка для Ильи, чтобы та не испортилась. Кожевник оценил шкуру, сказав, что волк совсем не облезлый и мех красивый. Илья думал было продать её, но решил попридержать, пока не решит остальные дела.

Первым делом он решил отвезти связки стрел, несколько наконечников копий и пару топоров к тиуну (то есть казначею) местного воеводы, который обычно собирал свои заказы на нужды войск в центре поселка в самом почетном месте площади.

— Будьте здоровы, старший тиун. Поклон вам от дяди Коваля, и мир от всего сердца, — сказал Илья, приложив руку к груди и делая небольшой поклон туловищем. — Дуняша, поприветствуй старшего.

Дуняша робко поприветствовала тиуна.

— Здесь заказ воеводи, на дюжину стрел с наконечниками, шесть пик для копий, и четыре топора. А также я принес вам в дар эту шкуру волка. За вашу доброту и милость

к дяде. Шкура хоть и свежая совсем, но я уверен, что ваши мастера доработают и применят её лучше, чем я или дядюшка, — выпалил доклад Илья, дождавшись своей очереди на приём к тиуну.

— Будь здоров, отрок. Неужто ты говорить умеешь, Илья? А я думал ты молчун. И тебе мир и светел день, Дуняша. Да, ждал я ваши копыя, топоры да стрелы. Хоть и запоздали вы, стал быть, на неделю, но так и быть, не буду серчать на твоего дядю, — с улыбкой добавил тиун. — А шкурка-то и правда хорошая. Неужто в наших лесах такие серые водятся?

— Водятся, старший, водятся. Как раз между погостом и моей деревней. Решите поохотиться, как раз то, что надо.

— Дуняша, смотри, вон дочка моя – Фёкла. Помнишь её? Иди к ней, скажи: дядя Пахом велел дать немного сладостей, а мы с твоим братцем потолкуем.

— Спасибо, дядя Пахом! — обрадовалась Дуняша и в припрыжку поскакала к дочери тиуна.

— Что случилось, Илья, где старик?

— Захворал дядя, а ему сегодня долг отдавать Житомиру. Вот я и поехал.

— Ааа, Житомир, — протянул тиун, поглядывая в сторону выхода.

— Иди сюда, поближе, сынок, — сказал Пахом и, немного наклонившись, тихо добавил:

— Что ты забыл у этого купца, Илья? Давай я передам ему долг.

— Я обещал сам это сделать, дядя Пахом. Неужели он такой страшный?

— Да дело не в этом. Долг у твоего старика перед гостем³ Житомиром. Да долг-то непростой. Странное это дело. Заказал как-то давно, много лет назад ещё, Житомир ему меч в серебре, а когда Коваль выковал меч, украли его у Ковалья прямо по дороге на погост. С тех пор Житомир из дяди твоего веревки вьет, тянет деньги с процентами. Жаль мне его, мы с ним уж много лет дружим, да поделывать ничего не могу... Хотел я как-то его долг выкупить, а этот ни в какую, прикрывается своими княжескими связями, так что и надавить-то на него не вариант. Хоть и князь-то его — хрен пойми кто, знать мы его и не знаем, но воинов своих нет-нет да присылает во двор к Житомиру на службу. Даже если Коваль сам ему весь долг вернёт, всё равно этот леший провернет всё так, что проценты погасить не получится. Так что я иногда работенку ему подкидываю, и всё же этого недостаточно, чтобы отвязаться от Житомира. Как бы он и тебя к долгам не примазал.

— Спасибо за науку, старший. Мне дядя Коваль о таком не рассказывал.

— Эх, ты что, плохо его знаешь? Не будет он никогда жаловаться, не в его это характере. Будет до последнего сам свою лямку тянуть.

— Что есть, то есть. Ну ладно, старший, я пойду.

³ так называли купцов на погосте

— Хорошо, иди, коль решил. Телегу с лошадьёю можешь оставить здесь. И Дуняша пусть остаётся.

— Дуняш, — Илья окрикнул сестрицу, — побудь у дяди Пахома, пока я схожу по делам. А я тебе чего-нибудь принесу.

— Нет, что ты! Я хочу сама выбрать, и мне с тобой спокойнее.

— Ладно, идём. Это всё равно рядом.

Илья взял Дуняшу за руку и пошёл к Житомиру.

Спросив местную челядь, где хозяин, Илья направился напрямиком к нему, чтобы поскорее разделаться с этим неприятным вопросом и неприятным человеком.

— Доброго здравия, это где мне найти гостя Житомира? — спросил Илья, прикладывая руку к груди. В светлице был только молодого вида парень. — Дядя Коваль шлёт ему поклон и передаёт кошель с деньгами, который он денно и ночью копил для него, — добавил Илья, указывая на кошелёк с деньгами.

— Ай, да брось это туда, да катись вон, — проигнорировав вопрос, каркнул рослый парень и указал на открытый сундук на полу, — И передай Ковалю, чтобы сам приходил и больше никого не посылал, — резко и грубо добавил тот.

— Эй, а кто это с тобой, не Дуняша ли? Что этот прохиндей решил насчёт сватовства? И как вообще он смеет так долго думать над этим вопросом. Мой дядя решил породниться с этим отребьем, выдав своего пятого сына за его дочь

через четыре года, чтобы помочь тому расквитаться с долгами — само по себе счастье, которое приходит раз в жизни! В общем, скажи старику, что мы ждем ещё неделю, а уж потом долг вырастет в разы!

— Братец, о чём говорит этот дяденька? — на глазах у Дуняши выступили слёзы.

— Не слушай его, сестра, он бредит, если подобное приходит ему в голову. Я пришёл, чтобы передать долг, и только, — бросил Илья в ответ. — И я не позволю при мне оскорблять дядю Ковалю! И не пристало так по-хамски себя вести прислуге по отношению к свободным и честным людям, пришедшим по делу к твоему хозяину, — сжимая кулаки ответил Илья.

— Да как ты смеешь?! Я племянник дяди Житомира! Обращайся ко мне Гаврила! Для тебя старший Гаврила! Хочешь, чтобы я тебя прибил?! — выпучив глаза, с перекорёженным лицом вывалил парень.

— Хорошо. Пойдём на торговую площадь и померяемся силой, Гаврила. Но прежде я дождусь гостя Житомира, чтобы лично передать ему долг.

— Дядя-я-я! — завизжал Гаврила. — Позволь я выволоку эту сволочь и высеку во дворе!

Из соседней комнаты вывалился тучный купец, увешанный заморскими одеждами и побрякушками. — Не стоит устраивать переполох в моём доме. Это плохо влияет на дела. Малец, оставь деньги в сундуке и возвращайся, откуда

пришёл. Улаживайте свои дела за пределами двора, — и, поворачиваясь, чтобы уйти, Житомир прошептал своему племяннику на ухо: «Размажь этого выскочку, но не убивай. Не хватало мне ещё проблем из-за всякого мусора». Тот лишь криво улыбнулся и кивнул.

— Жду тебя на площади в полдень! Тебе ещё хватит времени, чтобы продолжить жаловаться, — крикнул Илья напоследок, уводя за руку Дуняшу, всё ещё пребывающую в смятении.

— Прости, Дуняша, это я виноват. Надо было сразу оставить тебя у тиуна.

— Ты не виноват, я сама пошла с тобой, — тихо ответила Дуняша, глядя в землю.

— Ну теперь-то ты побудешь у дяди Пахома? Мне нужно вернуться.

— Хорошо, братик, я сделаю, как ты велишь.

Илья вернулся к Пахому, и попросил присмотреть за сестрёнкой, сославшись на дела. Тот не стал отказывать, и Илья вернулся во двор к купцу.

Он накинул на себя старый полог, чтобы походить на одного из бродяг, которых он встретил спящими по гостиному двору в надежде получить подачки на еду. Немного побродив по округе, Илья приблизился к одной из стен с окнами, и застыл, притворяясь уставшим бродягой. Внутри дома Гаврила даже не пытался сдерживать своё негодование, поэтому Илья отчётливо слышал всё то, что происходило внут-

ри терема.

— Что этот деревенщина о себе возомнил? — расхаживая по скрипучим половицам, сказал Гаврила. — Совсем потерял уважение к вам, дядя Житомир. И сам не явился на поклон, ещё и таких наглых посыльных засылает!

— Ничего, ничего, Гаврила, успокойся. Хватит сотрясать воздух. Уже две лучины выгорели, а ты всё ещё не успокоился. Меня это начинает утомлять, — раздражённо сказал Житомир.

— Простите, дядя Житомир! Я не хотел вас оскорбить! — голосом, переходящим на дрожь, сказал Гаврила.

— Ладно, ладно. Это не твоя вина, — примирительно сказал купец. — Мы своё ещё с него возьмём! Ты молодец, башковитый ты парень. Только вспыльчивый. Я до сих пор удивляюсь, как ты придумал с этим мечом всё повернуть! Мы и меч получили, и все деньги вернули. А Коваль нам по гроб жизни должен будет, никуда не денется. А того сосунка стоит проучить, чтобы не повадно было.

Илья слушал, а его лицо заливалось краской. Сдерживая свой гнев, он продолжал вслушиваться.

— Да, а меч-то хороший! Когда мы-то с ребятами его увидели, я сразу понял, что товар ладный! Мы хорошую цену с него ещё получим, дяденька, хорошо, что мы его до сих пор не продали! — сказал Гаврила.

— Дурак ты, племянник! Думаешь я его продать не могу? Я его специально храню. Для князя Ярослава. Его сын как

раз в том возрасте, чтобы в княжескую дружину вступить, а князь мне за это землицы дарует или договор на снабжение! Ещё пару лет, и мы так раскрутимся, ты ещё увидишь... У нас в долговых уже помимо Ковалья, несколько травников, плотников и других мастеров. Но Коваль — это наша лучшая находка. Золотая жила! Кхе-кхе... — потирая руки, строил далеко идущие планы Житомир.

Илья больше не мог просто стоять. Вне себя от гнева он стукнул кулаком в стену и тяжело задышал.

— Эй, кто там? — из окна показалась голова Гаврилы.

— Это ты?! Ну я тебя, — сказал Гаврила, пробираясь прямо через окно.

Илья тут рванул в сторону площади, накрытый пологом.

— Держите его!

На площади была суматоха. Илья скрылся в толпе, а затем затаился у одной из лавок и начал выжидать.

Слухи летели быстро, и вокруг центра площади уже толпились зеваки. Гаврила кричал и рыскал повсюду, выкрикивая проклятия.

Илья продолжал стоять, наблюдая за происходящим.

— Народ, представляете, Гаврила будет сейчас бить какого-то дурака! — кричал с хохотом какой-то лохматый парень.

— Вот потеха-то будет! — кричал другой. — Так ему и надо, это ж хватило ума додуматься, с Гаврилой связываться! Повезёт ему, если живой уйдёт!

— Давно мы не видели хорошей драки! Надеюсь, этот герой хоть немного продержится, а не упадет с одного удара, как тот дядька, что Гаврилину рубаху грязью телегой обляпал! Вот он-то его тогда разукрасил! — кричал третий.

Пахом, заслышав шум на площади, отправил своего дружинника выяснить, в чём дело. Вернувшись, дружинник доложил:

— Это Гаврила буянит. Говорят, драка намечается.

— Снова нелёгкая надоумила этого Гаврилу. Что на этот раз?! — раздражённо сказал Пахом. Его взгляд упал на Дуняшу, и он торопливо добавил:

— Дуняша, куда отправился твой брат?! — тиун бросился на площадь, а Дуняша поспешила за ним.

На площади стоял шум. Все пытались кого-то найти, но кроме Гаврилы никто не понимал, кого ищут.

Пахом, ворвавшись на площадь, грозно крикнул:

— А ну расходитесь, вы что, бунт устроили?!

Толпа резко замолчала. Вперёд выступил Гаврила и возразил:

— Ничего такого, тиун, мне всего-то нужно вразумить одного лазутчика, который слишком много о себе возомнил и посмел бросить мне вызов! — прокричал Гаврила.

— Что?! Кто-то сам бросил вызов громиле Гавриле? — слышались недоуменные возгласы в толпе. — Что это за отважный богатырь?!

— Он, скорее всего, испугался и убежал менять штаны!

— со смехом съязвил Гаврила.

Илья ловко вскочил на телегу, при этом став выше большинства людей на половину корпуса и крикнул:

— Эй, деревенские! — он сделал небольшую паузу. — Кузнеца Коваля, дядю моего знаете? Доброго человека, открытого и честного, которого при мне оскорбил этот подхалим купца! — кто-то хотел рассмеяться при виде тощего по сравнению с Гаврилой парнишки, но из-за уважения к имени Коваля сдержались и стали слушать, что Илья скажет дальше. — Я не могу стерпеть это, и я очень зол. Неужели вы поддерживаете его, этого гадкого человека?! Провалиться мне на этом месте, и пусть поразят меня гром и молния, если я позволю безнаказанно лаять похожим на бездомных псов прихвостням на добрых людей!

Толпа стихла. Люди стояли, открыв рты, и никто не решился нарушить тишину. Первым пришёл в себя Гаврила, гневно крикнув Илье:

— Да как ты смеешь, щенок! Это кровное оскорбление! — заорал тот, не в силах скрыть залившееся краской лицо.

— Не перегибаешь ли ты палку, Илья?! — вмешался Пахом, выходя между парнишкой и Гаврилой. — Ты молод и неопытен, если ты принесёшь извинения, уверен, что Гаврила найдёт в себе силы уладить этот проступок...

— Я согласен! — перебил его Илья, — извиниться, если это подобие человека трижды ударится лбом о землю, стоя на коленях, прилюдно моля о прощении у дяди Коваля, —

железно отчеканил Илья. Толпа зароптала, из глубины слышались слова одобрения.

— Ах ты ж жалкий выродок, ты мертв-е-е-ец! — выкрикнул Гаврила, рывком бросаясь в сторону Ильи.

В то время как Пахом стоял на месте, выпучив глаза и беззвучно открывая рот, Илья уже прыгнул навстречу Гавриле.

Гаврила шагал уверенно, занимая боевую стойку. Илья двигался более осторожно, оценивая взглядом противника.

Гаврила делал наступательные движения и выпады, но Илья ловко уворачивался от них.

Люди стояли молча. Кто-то пытался пробраться вперёд, чтобы видеть происходящее. Тем не менее, когда Гаврила делал выпады в сторону Ильи, люди негодуяще роптали, а из задних рядов раздавались проклятия в адрес купеческого племянника.

— Ты пришёл, чтобы убежать?! Прими удар и свою смерть, выродок!!! — кричал Гаврила, делая очередной безуспешный выпад.

Но Илья не реагировал на его провокации, продолжая уворачиваться и подмечая, как тот понемногу устаёт и замедляется. Прошла минута, другая, и натиск Гаврилы сходил на нет. Пару раз он всё же достал Илью, оставив ссадины на лице молодого человека. Движения Гаврилы стали медленнее, он тяжело дышал. Когда Илья не успевал уворачиваться, тяжёлые удары достигали его, заставляя держать оборону.

Подгадав момент, Илья увернулся от удара и направил ку-

лак прямо в грудь противнику. «Изначальный сокрушающий удар!», — мысленно произнёс он и сильный металлический привкус наполнил его рот.

Мир вокруг Ильи замер, и только его кулак продолжал двигаться. Он встретился с рубахой, и даже лёгкий кожаный доспех, надетый под неё, никак его не замедлил. Кулак продолжил движение, вдавливаясь в грудную часть туловища.

Люди слышали лишь хруст костей, и свист вылетающего из тела, перемешанного с кровью, воздуха.

У наблюдавших за битвой снова открылись рты. Ещё минуту назад наступавший на Илью Гаврила оторвался от земли и летел, раскинув руки в стороны. Через мгновение он уже лежал на земле, потеряв сознание.

Илья выпрямился и, переведя дух, сказал, озираясь по сторонам: «Этот подонок получил по заслугам! Если кто-то считает иначе, выходите вперёд и встаньте на его защиту!». На мгновение вновь воцарилась тишина. За спиной Илья сжимал дрожащий кулак, кости которого, похоже, были сломаны.

Толпа молчала, и над площадью повисла зыбкая тишина. — Да! — разрывая тишину прозвучал чей-то голос в толпе.

— Молодец, Илья! Здорово! Так ему! Опостылили они, крохоборы! Славься, добро тебе будет дорогой! Хлеб и соль тебе в дом! — внезапно заликовали люди, подбегая к парнишке, и поднимая его на руки. Тот попытался вырваться,

пытаясь побережь повреждённую руку, но ничего не получалось.

— Отпустите его! — Дуняша пыталась броситься в толпу, но Пахом удержал её, и начал продвигаться к Ильё сам.

Илью разорвала бы на части обезумевшая толпа, если бы не вмешался тиун, спустивший его на землю.

— Илья, уходите немедленно. Лучше это не продолжать. Кажется, Житомир ведёт сюда свою стражу.

Отступление

Илья и Дуняша спешно покидали погост.

Тихоня мчалась во весь опор, колёса телеги подпрыгивали на кочках, а под пологом тарактели кованые изделия, которые так и не удалось продать.

Илья то и дело оглядывался назад. Несмотря на то, что он никого не видел, он подстёгивал лошадь, торопясь как можно дальше ускакать от погоста.

Небо заволокло тучами, и понемногу начал срываться дождь. Небо темнело, облака становились чернее и плотнее. Телега стремительно катилась, но дорога начинала понемногу размокать и шаг Тихони заметно поубавился.

— Ну давай же, Тихоня! Н-н-н-о! — Илья, скривившись, подстегнул лошадь. — Прости, родная, но нужно прибавить шаг! — но Тихоня давно дошла до предела своих возможностей и постепенно замедлялась.

— Илюш, тебе нужно подвязать руку. Смотри как она опухла! — сказала Дуняша, вцепившаяся в края телеги.

— Потом, потом, Дуняша! — отмахнулся от неё Илья.

Вдруг Тихоня резко встала на дыбы, а затем встала как вкопанная, глядя одним глазом вперёд дороги. Она фыркнула, и затопала копытом, а затем начала лягать ногами, да так сильно, оторвала хомуты от оглобель, и помчалась в лес.

Илья схватился за привычную кочергу, и стал оглядывать-

ся по сторонам.

Из-за деревьев начали показываться волчьи морды. В этот раз волков было намного больше, и все они медленно обступали телегу.

На поляну выскочил огромный чёрный волк, вдвое крупнее обычного.

— А! — испуганно вскрикнула Дуняша, и грохнулась в обморок.

Глядя на волков, Илья присел и взвалил Дуняшу на плечо, придерживая её раненой рукой, после чего спрыгнул с телеги, продолжая держать в другой руке кочергу.

Волки продолжали подступать, медленно, шаг за шагом. Некоторые начинали тихонько рычать и обнажать зубы.

Сердце Ильи бешено стучало. Металлический привкус заливал весь рот, вдыхаемый воздух пах кузней, но Илья понимал, что даже всплеск сил ему сейчас ничем не поможет.

— Проваливайте прочь! — крикнул Илья, направляя кочергу на чёрного волка.

Чёрный волк издал глухой рык, после чего остальные пропустили его вперёд, и тот уверенно наступал на Илью.

Волк обнажил зубы, из его огромной пасти выступала пена, а мокрая чёрная шерсть переливалась отблесками при каждом движении лап.

Илья продолжал отступать по дороге, обратно в сторону погоста, пока спиной не упёрся в дерево.

Чёрный волк тоже остановился, и немного припустил го-

лову, опустив взгляд к земле.

Сначала Илья обрадовался, что дерево послужит ему естественной защитой и прикроет спину, но затем встревоженно оглянулся, пытаясь понять, откуда посреди дороги дерево.

Его сердце замерло, глаза расширились до предела. В плотную к нему стоял древесный великан, которого Коваль назвал Лешим. Илья замер, одной рукой крепче прижав к себе Дуняшу, другой выставив вперёд себя кочергу рукой, которая предательски задрожала.

Черный волк вдруг завыл, сделав ещё шаг в сторону Ильи. Великан поднял свою огромную лапу, и это заставило волка остановиться.

Илья лишь переводил взгляд с волка на Лешего, пытаясь понять, чего опасаться больше.

Через пару вздохов Илья увидел, как уши чёрного волка зашевелились, а затем и у других волков. Словно по команде, волки стали вытягивать шеи, глядя вдоль дороги в сторону погоста. Через следующий вдох Илья услышал топот нескольких лошадей и бряцанье кольчуги. К этому времени небо стало настолько мрачным, а дождь таким сильным, что Илья не мог разглядеть всадников.

Волки тут же бросились вперёд, минуя телегу, Илью и великана, будто бы больше их не замечали.

Илья услышал, как неподалёку заржала лошадь, а затем последовали визги и крики людей.

— Откуда эти твари?! Защищайтесь! — слышались

возгласы всадников, сквозь шум дождя.

Грянула молния, и Илья смог увидеть силуэты волков, прыгающих на всадников.

— Отходим! Нам через них не пройти. Быстрее, они отрезают нам путь! Не-е-ет! — Илья слышал обрывки фраз, лязг металла, звуки падения всадников и их предсмертные крики.

Несколько мгновений спустя волки протяжно завыли, а затем всё стихло. Молния вспыхнула ещё раз, но дорога была пустой, ни волков, ни всадников, ни их лошадей на ней не было. Илья продолжал всматриваться, но дорога оставалась такой же пустой.

Дождь закончился и небо начало светлеть.

Илья обернулся, но великана нигде не было. Неподальёку заржала лошадь. Илья повернул голову и увидел Тихоню, спокойно пощипывающую траву у обочины.

Илья уложил сестрицу в телегу и торопливо впряг Тихоню. Не смея мешкать, он пересилил любопытство и направился к дому.

Через некоторое время Дуняша пришла в себя, и растерянно уставилась на братца.

— Что случилось, Илья? Мне кажется, я снова видела волков!

— Это был сон, сестрёнка. Не рассказывай его никому. И, пожалуйста, не рассказывай дяде о том, что я подрался. Я сам ему расскажу. Договорились?

— Но как же так братик, ты ведь такой молодец, поколотил этого негодяя! Я так рада, ты не представляешь как я рада, и какой ты молодец! — засопротивлялась девчушка, — Надеюсь, ты всегда будешь рядом со мной и всегда сможешь меня защитить от обидчиков! Но не переживай, братик, я решила, что тоже буду богатыркой, и раз уж ты просишь, не буду рассказывать!

— Кем-кем ты будешь? — спросил, улыбнувшись, Илья.

— Ну богатыркой, конечно, чего ты смеёшься? Ты будешь богатырь, а я буду богатыркой!

— Ты очень смелая. Спасибо, сестренка. Я обещаю, что никто тебя не тронет! — серьёзно сказал Илья, подъезжая к деревне. Его опухшая рука ныла, а металлический привкус во рту продолжал усиливаться.

Ночная вылазка

Заехав в подворье, Илья первым делом пошёл к Ковалю и дал ему лекарство. Лицо кузнеца было бледным, но взгляд был немного яснее, чем утром. Приняв лекарство, кузнец задышал спокойнее, а на лице появился легкий румянец.

Илья пересказал большую часть событий. При этом старался держаться так, чтобы Коваль не обратил внимание на его опухшую руку.

Он рассказал о том, как встретился на дороге с волками и о том, что Дуняша сопровождала его в город.

Рассказал о встрече с тиуном и о том, что отдал кошелёк Житомиру.

— И ещё Дядя, Гаврила упомянул про замужество Дуняши. Это правда?

— Правда? Это грёза жадного безумца. Пока я жив этого не произойдёт.

— Значит я всё понял правильно, — сказал Илья, инстинктивно сжимая правую руку в кулак перед собой.

— Илья, что с рукой? Не прячь, показывай.

Илья опустил голову, и приподнял перемотанную конечность.

— Ближе покажи, — Коваль требовательно протянул руку, после чего развязал тряпьё, и осмотрел повреждение.

— Обработай как следует и пока не нагружай. Оно того

стоило?

— Стоило, — кивнул Илья.

Коваль выпустил руку Ильи и закрыл глаза.

— Желаете что-то добавить?

— Пока нет, дядя.

— Хорошо. Это произошло бы рано или поздно.

— Дядя?

— Что, малец?

— Житомир всегда думает только о богатстве, зачем им Дуняша?

— Затем, что Житомир знает слишком многое. Вернее, думает, что знает.

— Ты мне расскажешь?

— Расскажу, когда придёт время. А сейчас ступай. Скажи девочкам, чтобы накрывали на стол.

Дуняша, тем временем, с приподнятым настроением, воодушевленно готовила ужин в уличной печи. Скоро к ней присоединилась Милаша, и они о чем-то вместе хихикали.

Илья сказал сестрицам заносить еду, в то время как Коваль уже переместился за стол.

— Ну что ты, папенька, не расстраивайся! Чего такое лицо, будто кислых щей съел? Я вот тебе твоего любимого хлеба принесла, у тетушки Олёны купила. Да и каша будет сладкая, с маслом!

— А я молока свежего принесла от бабы Федотьи! — звонко сообщила Милаша.

— Да, папенька, давай кушать! Смотри сколько еды на столе. И ты братик, Илюша, садись, для вас старались, вкусенького наготовили!

Коваль понемногу обмяк, и даже повеселел.

— Раз вы у меня такие самостоятельные, Илья теперь будет торговать на погосте, а Дуняша в кузне, на ковке, — сказал Коваль с серьёзным лицом, запивая кашу мёдом.

Илья и Дуняша взволнованно переглянулись.

— Точно! — добавила Милаша. — А ещё Илью можно глашатаем пристроить, будет с помоста кричать. Ну или в няньки, тоже сгодится! А Дуняшу подмастерьем у кожевника, с волков шкуры драть.

Кузнец не сдержался, и мёд прыснул носом. Они с Милашей в один голос засмеялись, подмигивая друг другу. Коваль хлопнул Илью по плечу, а Милаша скривила рожицу Дуняше.

Милаша немного дулась на сестру, но после удачной шутки её зависть к приключениям сестрицы улетучилась.

После этого все разошлись, и Илья остался наедине с собой. Дождавшись, пока все уснут, Илья всё ещё продолжал ломать голову над тем, что делать дальше.

«Вряд ли эти воины были последними, кого отправит Житомир. Я обязан придумать что-то ещё. Бежать? Нет, дядя Коваль не согласится бежать. Извиниться и признать ошибку? Я сделал то, что должен и не отступлю. Наверняка есть ещё какой-то выход». Илья решил прогуляться, и, выйдя со

двора, пошёл куда глаза глядят, попутно обдумывая происходящее. Он дошел до небольшой полянки, которую они с Ковалем зачистили от больных деревьев и присел на пень, размышляя о своих планах. Его веки наливались тяжестью, а рука сильно болела, несмотря на то что отёк спадал.

В какой-то момент Илья почувствовал, что проваливается вглубь сознания, и приближается к тому месту, которое, как он думал, ему приснилось во время его беспмятства почти пять лет назад. В этот раз место выглядело иначе. Это уже было не какое-то пустое пространство, а наоборот, оно выглядело как бескрайнее серебряное море с небольшим островом в пятьдесят саженей в ширину, с растениями и деревьями, травой и цветами. Несмотря на полумрак, Илья чувствовал себя уютно. Воздух вокруг был слегка прохладным, но свежим. Лёгкий прибой ласкал слух. В центре острова росло невысокое кряжистое дерево, похожее на дуб.

«Готов поклясться, этот дуб один в один похож на дуб Заовражья», — подумал Илья.

«Только это, кажется, намного моложе, и не обгорел», — Илья начал обходить дерево.

«А это что? Лицо?!» — Илья увидел лицо, напоминающее человеческое, и изумленно разглядывал его. Это точно был силуэт лица. И нос, и рот, и брови, только глаза были закрытыми. В области рта зияло тёмное отверстие. Глянув вниз, Илья заметил похожий на металлический отблеск у корней дуба. Присел рядом, и смахнул слой почвы. В земле лежал

меч, испещренный непонятными рунами и окутанный корнями дуба.

Когда Илья коснулся меча на земле, и изо рта дуба прерывисто заструился свет. Парень поднялся, чтобы рассмотреть его.

Сердце Ильи трепетало. В отверстии он увидел сияющий шар. Потянув руку к шару, Илья передумал и не стал касаться его. Продолжая наблюдать, Илья заметил, как тот перестал пульсировать и его свет стал более ровным. Следом за этим он услышал исходящий из шара зов:

— Здравствуй, Илья, — сказал немного тихий, но твёрдый, как закалённая сталь, голос. — Я очень слаб сейчас, и не смогу поведать многое. Все эти годы я копил силы, но даже сейчас их хватает не на многое.

— Кто вы? — Илья немного отпрянул, но мягкая пульсация шара успокаивала и завораживала.

— Сейчас я никто. Бесплотный дух меча — всё, что осталось от моего прежнего существования. Я живу внутри твоего моря разума, в Древе Жизни, но для тебя в этом нет угрозы.

— Это море вокруг, что это? Это из-за него я чувствую металлические вкусы и запахи? — спросил Илья.

— Да. Моя воля происходит из металла. Когда я спас тебя, часть её осталась в твоём сознании. С тех пор наши судьбы связаны.

— Воля, металл, сознание, море! Я ничего не понимаю,

— Илья нахмурился. — Что всё это значит? Дух меча Это как-то связано с мечом, что лежит в корнях этого дуба?

— Когда-то и я существовал в этом мире явью. Был человеком. В моём мире меня называли Локаанандин. Но потом всё изменилось Однажды я смогу рассказать тебе. Ты можешь звать меня Радомир, кажется, что это имя мне подходит.

— Радомир, почему вы в моём сознании?

— Потому что я ждал долгие годы подходящего человека, способного принять часть моего разума. Ты был тем, кто откликнулся на мой зов. Но ты был при смерти, и мне пришлось принимать решение. И я спас тебя. Взамен я использовал твоё сознание, чтобы выжить. И сделал это без твоего согласия. Так что ты ничего мне не должен за своё спасение.

— Но зачем я вам? — изумился Илья.

— Мне нужна помощь. И мне нужен ученик. Взамен я утолю твою жажду, которую ты так рьяно отвергаешь, — на этом голос умолк, как будто делая паузу, но Илья видел, что с каждой фразой свет тускнеет, и разгорается лишь со временем.

Илья некоторое время молчал. Он посмотрел на свои крепкие руки, сжал их в кулаки, после чего перевёл взгляд на шар.

— Спасибо вам, старший, что спасли мою жизнь. И, как я думаю, спасли её уже трижды. Если ваши цели не противоречат моей совести, я буду рад оказать вам помощь.

Но я не понимаю. Я сирота из глухой деревни, почему вы выбрали именно меня? И что вы имеете в виду, говоря про жажду?

— Всему свое время, Илья. У меня нет сил убеждать тебя в чем-либо, но будь уверен, я свой выбор сделал, и он окончательный. Я знаю, что порой тебе кажется, что против тебя весь мир. И даже прилагая все усилия, ты часто чувствуешь себя беспомощным. Я изменю это. Просто дай мне свой ответ.

— Старший, у меня нет причин вам не верить. Я долго размышлял о том, как я выжил в овраге, и сейчас я получил немного ясности. Однако вы должны знать, что я нажил себе опасного врага. И не уверен, что проживу достаточно долго, чтобы стать вашим учеником. Увы, даже с вашими силами мне не победить.

— Я в тебе не ошибся, ученик. Что до твоих трудностей. У меня есть решение.

— Какое?

Листья дуба слегка зазвенели. Рот лика Древа озарился ярким светом.

— Которое навсегда изменит твою судьбу.

Большая удача

— Ну всё, Тихоня, скоро будем дома! — Илья подбадривал измотанную лошадку, как мог, и та терпеливо рысила по влажному тракту.

Добравшись до места стычки волков и всадников, Илья притормозил и спрыгнул с лошади. Взяв её под уздцы, он подошёл к обочине, где примятая трава всё ещё напоминала о том, что произошло.

В траве что-то блеснуло, отразив лунный месяц, и Илья наклонился, чтобы поднять предмет с земли. Это была пряжка, на которой был изображен какой-то цветок.

— Серебряная! И цветок какой-то изображён. Репейник? Нет, пожалуй, чертополох, — оторвав взгляд от пряжки, парень сунул её в карман и устремил взгляд в пролесок, в сторону которого тянулась примятая трава.

— Интересно, а где всё остальное? Никто даже меча не выронил? Или они всё же спаслись?

Тихоня в ответ на это лишь фыркнула и потянула поводья.

— Ладно, ладно. Идём. Жутко тут, — сказал Илья лошади, отводя взгляд от пролеска.

Вернувшись в деревню и отведя лошадь в стойло, Илья отправился на поляну, на которую он набрёл накануне, и снова уселся на пень. Положив меч Ковалея на колени, парень закрыл глаза. Медленно и глубоко дыша, он погрузился в глу-

бины собственного разума.

Меньше чем за одну ночь на острове появились изменения. Окружающий свет стал немного ярче, а остров шире, появились новые травы, а дерево стало выше. Шар внутри Древа мягко светился.

— Здравствуй, Илья, ты быстро вернулся, — поприветствовал Илью бесплотный дух.

— Здравствуйте, Учитель. Всё получилось, хоть и страшно было до жути. Это всё Ваша великая сила? — немного возбуждённо спросил Илья.

— Нет, Илья, это твоя сила, я лишь помогаю тебе развивать тело и очищать твою кровь. Я передал тебе несколько своих способностей и твоя воля, наконец, может черпать силу из металла.

— Как это, сила из металла? — Илья обернулся в сторону окружавшего их моря, отливавшего серебром.

— Во всём, что нас окружает, есть сила, есть могущество. А в людях и животных есть воля, которая может использовать эту силу. Только те, чья воля достаточно чистая и сильная, чтобы извлекать мощь из мира, могут её использовать.

— Значит у меня такая воля? — ученик вновь перевёл взгляд на яркий шар.

— Скорее, зачатки воли. Твоя воля ещё слаба и её нужно развивать. Пока что не стоит себя переоценивать. Ты далёк от вершины всеобъемлющей воли, коей обладают легендарные воины, богатыри и волхвы.

— А что, бывают и такие? Я, конечно, слышал всякое, и дружинников видал, и воинов с заставы, но дядя Коваль мне всегда твердил, что сильным может быть каждый, и что кузнецы тоже сильные, — Илья сжал руки в кулаки, и приподнял их, показывая Учителю.

— Это другая сила. Сила мышц важна, и для неё тоже необходима воля. Однако для большинства предел использования воли наступает очень быстро, и они не могут раскрыть весь её потенциал. Для других же — воля раскрывает безграничные возможности.

— И для чего же нужна безграничная сила? Я, например, легко работаю пудовым ⁴молотом. И дядя Коваль говорит, что это далеко не мой предел.

— Твои пределы намного выше, даже сейчас. Представь, что тебе нужно поднять не молот, а каменный мост, по которому тебя или других людей будут нагонять враги. Или что на тебя нападёт лесной чуд, у которого каждый палец по пуду весит. Что тогда ты будешь делать?

— И такие бывают?! — изумился Илья. — О таком я даже не слыхивал.

— Ещё как бывает. Ты же лешего видел?

— Видел.

— Так чего ж чуду не бывать?

— Не знаю. Я и в лешего-то не верил, пока не увидел. А потом думал, что привиделось мне. Дядя никогда не раз-

⁴ примерно 16 кг

решал обсуждать ту встречу. Но когда я его увидел сегодня. Кстати, откуда этот металлический привкус? Это из-за ваших способностей, Учитель?

— Не совсем. По крайней мере не тогда. Это из-за Древа Рода. Это оно реагирует на лесных жителей и начинает поглощать часть твоей силы, из-за этого ты чувствуешь металл. То же самое происходит, когда ты сам используешь силу.

— Это странно. Я не хочу, чтобы оно использовало мою силу без моего ведома, — Илья сделал шаг назад и покосился на Древо.

— К сожалению, это зависит не от тебя. И даже не от меня. Кажется, что, когда я вливал в тебя остатки своих сил, чтобы твой дух не усоп, именно оно поддержало нас, и именно оно перенесло тебя в это место. Взамен его корни намертво срослись с твоим духовным сознанием. Но насколько я могу судить, оно для тебя не опасно. По крайней мере я этого не чувствую.

— Ого. Что ещё странно, это дерево похоже на то, что росло в моей прежней деревне. Они могут быть связаны?

— Возможно, но я не уверен. Если это действительно Древо Рода, то для тебя это большая удача.

— Почему это?

— Нет смысла вдаваться в такие детали, пока ты настолько слаб. Ты ещё в самом начале пути. Таких, как ты, называют Ратниками. До настоящих мастеров тебе очень далеко. Поэтому сейчас думай не о великих воинах, а о собственном

развитии. Но благодаря мне и Древу Рода ты сможешь расти быстрее большинства. И насколько я могу судить, его потенциал намного превосходит мой.

Илья обошёл дерево кругом и вернулся к тому месту, откуда мог видеть Учителя.

— А, по-моему, дерево как дерево. Ничего особенного. Ну да я, правда, ничего в этом не смыслю. То есть, это хорошо, что оно у меня есть?

— Каждый идёт своим путём, но на пути развития воли можно выбирать любой доступный. Для тебя важнее понять, что нет плохого пути, как и нет хорошего, потому что у каждого из них есть своя цена.

— Что ещё за цена? О чём вы, Учитель?

— Увы, заранее этого почти никто не знает. Я ведь когда-то тоже был человеком. Из плоти и крови. Как и ты. А сейчас я — бесплотный дух, дух меча, вынужденный обременять тебя своим присутствием, — шар снова мягко замерцал.

— Как это случилось с вами, Учитель? — взволнованно спросил Илья.

— У нас ещё будет время это обсудить, мой ученик, сейчас мне нужно восстановить больше силы.

— Чем я могу помочь?

— Тебе нужно найти очень много металла.

— Насколько много? У нас в кузне есть кое-какие запасы.

— Примерно пятьсот пудов.

— Хм А сколько это? Тихоня увезёт?

— Это примерно пятнадцать телег, гружёных доверху железной рудой.

— Сколько?!

Новые правила

В духовном мире Ильи время текло иначе. Пока Учитель набирался сил, ученик изучал остров, воцарившийся посреди серебряного моря.

«Одуванчики?», — Илья подошёл к цветущему растению и внимательно его рассмотрел.

«Здесь все растения выглядят настоящими. Интересно, почему они здесь?», — он переходил от растения к растению, бережно трогая листья или цветы, узнавая каждое из них.

«Видимо, тут растут только те травы, которые я встречал наяву. Нужно будет порасспрашивать Учителя, может быть он что-то про это знает».

Время шло, а Илья уже не знал, чем заняться. Он засунул руки глубоко в песок, почувствовав его прохладу. Омыл в серебряной воде, которая показалась ему тёплой. Начал считать, сколько трав цветёт желтым, сколько красным, какие цветут синим. В какой-то момент сбился, и вздохнув, сел спиной к Древу. Почувствовав, как Древо потянуло из него силу, Илья резко вскочил и нахмурил брови.

— Это ещё что?!

— Судя по всему, Древо может поглощать твою силу.

— Но зачем? Это было неожиданно и чувство было неприятное.

— Ученик, даже я не понимаю это существо. Но, как видишь, теперь я тесно с ним связан. Тебе нужно стать сильнее, чтобы ты смог обуздать волю Древа Рода.

— Обуздать его волю Обуздать бы свою. И ваши аппетиты Вы же пошутили насчёт пятнадцати телег с рудой, правда, старший? — Илья посмотрел на шар, склонив голову набок.

— Нет, ученик, я не шутил. Что тебя так смутило? — мягко прозвучал голос Радомира.

— Учитель, но где взять столько металла? — Илья развёл руки в стороны. — Я буду несколько лет скребсти граблями по дну болота

— Насчёт этого не переживай, я обучу тебя специальным методам, которые называются Правилами. Они помогут тебе в разрешении этого вопроса. То, что тебя спас кузнец — твоя ещё одна большая удача. Работа с металлом для тебя не менее важное занятие, чем тренировки с мечом.

— Быть при смерти — это удача? Старший любит пошутить, — улыбнулся Илья.

Дух замолчал, видимо, собирая энергию, чтобы продолжить.

— Не жалуйся. Выжить в твоей ситуации — это удача.

Лицо Ильи стало серьёзнее, и он кивнул, не отводя взгляда в сторону.

— У меня есть ещё кое-что интересное для тебя, Илья, — сказал Радомир, понимая, что ученик снова внимательно слушает. — Я поделюсь с тобой знаниями, которые передало

мне Древо и которые я смог осознать.

— Вы что, разговариваете с ним? — Илья недоверчиво взглянул на Древо.

— Говорю ли я с деревом? — настала очередь Радомира использовать шуточный тон. — Нет. Но иногда оно показывает мне то, что считает нужным. Некоторые из этих знаний легли в основу Правил, которым я тебя обучу, — сказал Учитель на этот раз серьёзно.

— У Коваля в доме тоже есть правила. Например, мыть руки перед обедом, — заметил Илья.

— Это не те правила. Правила — это особые способы управлять силой через волю. Их ещё называют Заветы. Однако помни, ученик. Не произноси их вслух без крайней нужды. За такую силу убивают не задумываясь. И ещё — не каждый металл можно поглощать. Некоторые металлы обладают собственным духом. Попытаешься забрать их силу без подготовки — погубишь себя. Ну и не забывай, что не только люди обладают силой воли и силой правил. Ну да не будем сейчас об этом. Лучше поизучай Заветы и отработай их, а затем отправляйся на поиски руды.

Илья отрабатывал навыки Правил, выверяя удары по воображаемому противнику, быстро перемещаясь и стремительно уклоняясь от невидимых ударов и отражая их мечом Коваля, материализовавшийся в его сознании.

— Ты уже выглядишь техничнее, но заниматься нужно регулярно. И меч этот тебе не подходит. Для твоего тела он

слишком лёгок.

— Учитель, что мне делать с мечом дяди Ковалёва? Я хотел бы вернуть его ему.

— Да, ты должен поступить именно так. Это будет по совести, — сказал Радомир, а Илья в ответ твёрдо кивнул.

— Согласен. Он, наверное, пожурит меня за самоуправство, но скрывать от него что-либо не по мне, — Илья коснулся рукой амулета на шее и замолчал.

— Илья? — позвал ученика Радомир после недолго молчания.

— Что, старший?

— Я чувствую, что меч, это не единственный металлический предмет, который у тебя с собой. Что-то вызывает у меня странное чувство. Ты можешь описать, что это?

— Это монета, Учитель. На ней изображён чертополох.

— Чертополох? — чуть встревоженно спросил Радомир. — Вот как Ясно. Ну всё, ступай, — сияющий дух немного потускнел, и Илья покинул безмолвие.

Вернувшись в явь, Илья чувствовал себя отдохнувшим. Ещё было затемно, и заря даже не пыталась коснуться небосвода. Оставив поляну с пнем, Илья размялся, а затем спустился к небольшому ручью, чтобы умыться и испить воды. Погрузив руки в воду, он чувствовал её энергию, различал не только её чистоту, но и полезные примеси, часть из которых были металлическими. В этот момент в голове формировалась карта, как будто каждая частичка сообщала ему

о том, в каком именно месте вверх по течению ручья, она оторвалась. Так Илья определил направление, куда ему отправляться. Пройдя вверх по течению пару вёрст⁵, Илья обнаружил небольшой отмыв, и ручей был глубже в этом месте. Опустив руки в воду, Илья почувствовал, что в этом месте металлическая энергия намного сильнее.

⁵ примерно 1 км

В поисках ресурсов

Снова сняв часть одежды, Илья вошёл в воду.

Нырнув глубже, Илья подобрал большой кусок железной руды, но, не найдя рядом признаков залежей, всплыл на поверхность.

— И здесь ложный след. Повсюду мелкие куски, но где же найти жилу?

Подмастерье кузнеца знал водоём достаточно хорошо и уже обследовал все места, к которым его вёл завет, однако, месторождений не попадалось.

— Ну откуда-то же взялись все эти породы в воде. Может быть — Илье пришла в голову идея, и он решил немного вернуться вверх по руслу ручья.

Дойдя до небольшой скалистой горки, единственной возвышенности рядом с Лебединой шеей, Илья вновь погрузился в воду.

— Здесь отмыв глубже, и отклик металла сильнее. И как будто из-под скалы есть приток воды, — подумал парень и нырнул.

Углубление было таким, что ноги не доставали дна. Илья решил проверить это место тщательнее. Под водой он ощутил небольшое течение со стороны, и оттуда же отдавало металлическими частичками. Под водой оказался грот. Проплыв через него, Илья поднялся наверх и оказался в подзем-

ной пещере с насыщенной волей металла. Пещера была вместительной, на её своде росли флуоресцирующие растения, которые освещали её приятными зелеными и фиолетовыми оттенками, а кварцевые камни, торчащие из стен, усиливали этот эффект. Выйдя на берег, Илья коснулся стен. Металлическая воля ещё сильнее отзывалась в его руках. Стены были испещрены железными прожилками, а одна из жил была светлее остальных, судя по всему, медной. На земле валялись крупные части руды, выпавшие прямо из стены.

Илья собрал в мешок немного породы, чтобы проверить её качество и очистить в кузне, как услышал шорохи, идущие из глубины пещеры. Напрягая слух, он услышал перебирание ножек и глухое чавканье жвал.

Через мгновение из пещеры на него выпрыгнула огромная многоножка.

Илья отпрыгнул в сторону, почуяв неприятный запах от насекомого и скривив нос.

— Ты что ещё за тварь?! — крикнул Илья, едва уворачиваясь от струи яда.

Илья почувствовал прилив сил и неприятный запах многоножки начал блекнуть перед усиливающимся металлическим привкусом.

— Вот оно — подумал Илья, и бегло окинул взглядом противника.

Членистоногое оказалось высотой с небольшую собаку. Сколопендра молниеносно двигалась в сторону чужака, пе-

ребегая от камня к камню и ловко перемещаясь между полом и стенами пещеры.

Резко оттолкнувшись от стены, многоножка раскрыла жвала и расставила острые лапки, целясь в горло незваному гостю. Илье пришлось резко увернуться от прыжка насекомого, используя мешок для защиты. Впившись жвалами в твёрдую руду, существо жалобно взвыло и, оцарапав Илье руку трепыхающимися конечностями, отпрянуло к стене, а затем взобралось на потолок пещеры.

После этого она снова прыгнула на Илью, в то время как тот отвлёкся на ранение. Единственное, что он мог сделать в этой ситуации — это принять атаку насекомого в лоб. Заняв оборонительную стойку, Илья старался изменить положение тела так, чтобы ударом отбросить противника в сторону. Сколопендра раскрыла жвала, на которых уже выступили капли яда и подобие слюны, в предвкушении обеда.

«Изначальный молниеносный удар!», — Илья направил силу в кулак, используя Правило и нанес удар насекомому. Послышался лёгкий треск покрывавшего тело сколопендры хитина. Многоножка жалобно завизжала, отлетая в сторону. Видя, что сколопендре не нанесён какой-либо существенный урон, Илья решил не рисковать, сражаясь голыми руками, чтобы не получить в ответ серьёзные травмы или усугубить отравление.

Недолго думая, он схватил свой мешок с металлическими кусками и прыгнул в воду. Руда тянула ко дну, а рана на руке

кровоточила. Сделав усилие, Илья оттолкнулся от дна и поплыл обратно к берегу. Под водой он услышал визг многоножки, доносящийся из грота. Обернувшись, он увидел силуэт существа, свисающий над водой.

Проплыв под сводом, Илья выплыл наружу и немного отдышался. Выйдя на берег, ученик духа меча взял в руку меч Коваля и повернулся к воде, готовясь прыгнуть обратно. Однако его рука подрагивала, мышцы стало сводить от проникающего яда.

— Дома в мешке должен быть тысячелистник и ивовая кора. Нужно поспешить, пока яд не проник глубже.

Пред глазами немного поплыло, но деревня была близко. Сделав пару шагов, Илья почувствовал, что его ноги становятся свинцовыми и отказываются идти. Он опёрся о дерево, в попытках найти опору и чуть было не упал.

Ладонь начало жечь, и Илья попытался отступить от дерева, но рука словно прилипла. Через мгновение жжение отступило, он осмотрел ладонь. С кистью было всё в порядке, но на дереве осталась выжженная пятерня.

Почувствовав себя лучше, Илья вернулся домой и тут же очистил и обработал рану, а затем туго перемотал руку. Заодно осмотрев кулак, который повредил накануне в стычке с Гаврилой, он подумал:

«Это уже второе увечье за пару дней. Надо бы побережься. Но пещера хороша. Кажется, в ней намного больше жил, чем нужно Учителю. Когда дядя Коваль узнает, что у него под

носом было столько руды, его брови поднимутся к небу».

Сменив одежду на сухую, Илья отправился с материалами прямиком в кузню.

Превосходное мастерство

Растопив горн, подмастерье поместил рудные слитки прямо в огонь, и нагрел их до яркой желтизны. Положив их на наковальню, Илья стал вливать волю в металл, контролируя её намного лучше, чем ему удавалось прежде. Он стал различать отклик воли металлов и примесей, и научился вымещать из металлов те инородные вещества и их производные, которые ослабляли прочность или снижали эластичность заготовки, одновременно выковывая молотом нужную форму.

— Доброе утро, Илья! Ты уже за работой, молодец. Что там у тебя сегодня? Ты взял руду из домницы?

— Доброе утро тебе, дядя Коваль! Нет, это кое-что другое. Я ещё не отправлял её в горн с углем, это просто заготовка. Хочу, чтобы ты оценил её. Я сегодня нашёл одно местечко с залежами и хочу услышать твоё мнение.

— Погоди со своей рудой. Что я там не видел. С рукой что?

— Заживёт, дядя, скорее, возьми эту заготовку! — Коваль хмуро посмотрел на Илью и, покачав головой, взял материал в руку.

Посмотрев на разогретый материал, он взял щипцы и проверил кусок на вес. После этого он вернул его на наковальню и начал бить молотом. Из необработанного куска летели жирные и плотные искры.

— Илья, это отличная, очень качественная руда! — кузнец разглядывал раскаленную заготовку, пытаясь высмотреть недостатки. — Обычно мне удавалось найти совсем немного такой, либо мне привозили на заказ. Как ты её нашёл?

— Дядя, мне просто повезло. Я нашёл месторождение. Представляешь? Как только будет достаточно времени, мы с тобой организуем добычу из этого места!

— Что ты имеешь в виду? — кузнец выпрямился и посмотрел на подмастерье.

— Я имею в виду, что мы будем добывать её. Добывать как рудокопы, а не собиратели. Помнишь, как ты мне сам рассказывал, как в других местах её добывают кирками и молотами?

— Да, но у нас нет залежей, — Коваль повернулся к наковальне и снова стал выбивать из руды снопы искр.

— Есть, просто ты их не нашёл.

Коваль вновь остановил ковку и серьёзно посмотрел на Илью, чуть сдвинув брови и уставив руки в бока.

— Не может быть. Я здесь каждый камень знаю.

Илья взял мешок, вывалил из него куски породы.

— Смотри сам. Похоже на болотную?

Коваль осмотрел один кусок, потом взял другой. Его брови поднялись вверх. Увидев, что Илья с ухмылкой смотрит на него, он принял обычный спокойный вид и сказал:

— Хорошо, Илья, отличная работа, — кузнец снова по-

вернулся к наковальне.

— Дядя Коваль, посмотрим, сможешь ли ты и дальше пытаться быть таким спокойным, — сказал Илья и протянул кузнецу другую заготовку, над которой он уже немного поработал с помощью Заветов.

— Что ты скажешь насчёт этого? Я удалил примеси, и хотел бы услышать твоё мнение.

Коваль осмотрел слиток металла, повернув его разными сторонами, взял молот и начал выковывать сам.

— Илья, это отличный металл! Пластичный, но при этом хорошо держит форму. Как ты смог его обработать? Обычно мне нужно покупать качественную руду и несколько днейковки с добавлением примесей, чтобы добиться похожего эффекта.

— Прости, дядя Коваль, я сейчас не могу тебе объяснить этого, но я обязательно тебя научу, как только разберусь в этом методе сам до конца, — разводя руки в стороны сказал Илья.

— Я пока сам не понимаю, как это работает.

Коваль кивнул.

— Разбирайся, но не забывай, чему я тебя учил. Чего ворон считаешь? Зря заготовки грел? Надо ковать, пока не остыли. Нечего угли просто так переводить. Давай мне тот кусок, помогу.

— Дядя Коваль, мне нужно кое-что обсудить с тобой. Есть одна вещь, которую я оставил со вчерашнего дня на сегодня,

потому что хотел довести одно дело до конца. Я кое-что подслушал у ростовщика Житомира про твои долги. А его племянник наговорил лишнего при мне. Прости меня, но я не мог не вмешаться. В общем, драка у меня была с Гаврилой.

— Ох, Илья, что случилось? — кузнец строго посмотрел на Илью. — Это он тебя калечит? Долг долгом, но поднимать руку на моих детей! — Коваль с яростью ударил по наковальне и, отложив молот, начал снимать фартук.

— Да подожди ты, дядя Коваль! Есть обстоятельства, о которых ты не знаешь. Я всё тебе расскажу

Поведав события вновь, утаив лишь часть, связанную со встречей с Радомиром, Илья достал закутанный в подол сверток.

— Держи, дядя Коваль, это твоё. Отныне твой долг перед Житомиром погашен. Он не сможет тебя обвинить перед законом.

Коваль аккуратно развернул сверток, в котором оказался изящный меч его собственной работы и долговая берестяная табличка, с его личным знаком.

— Илья, спасибо тебе, — сказал кузнец, глядя в глаза молодому кузнецу. — Я подозревал, что утрата клинка — дело рук купца. Ты подтвердил мои догадки. Поделом ему. Полагаю, теперь всем нам угрожает опасность?

— Отвечу, как есть, дядя Он это так не оставит. Он уже посылал людей за мной, но он не знает, что меч забрал я. Думаю, что сейчас он займётся поисками и расследованием.

Постараюсь не попадаться ему на глаза. Хотя, я бы с удовольствием посмотрел бы на его рожу, когда он обнаружил пропаяжу, — довольно улыбаясь, добавил Илья.

— Ты прав. Тебе стоит затаиться. Я знаю, ты его не боишься, но здесь дело не в страхе. Такие люди как он не умеют прощать. Надеюсь, Навь его приберёт к себе.

— Я тоже, дядя, — сказал Илья, и почувствовал слабый металлический привкус во рту.

— Илюша, — вдруг сказал мягко Коваль, поворачиваясь к ученику. — Я знаю, ты не любишь такие разговоры, но я всё равно скажу. Мне никогда не стать тебе отцом по крови, однако я всегда буду на твоей стороне и делать всё, чтобы твой отец мог гордиться тобой.

Последние слова Ковалья тяжело дались Илье. Сначала его лицо стало красным, а затем каменным и пустым.

— Спасибо, дядя Коваль. Я ни на мгновение в тебе не сомневался. Но прошу, не упоминай никого из них...

— Как скажешь. Хоть я и уверен, что, думая о них так, ты ошибаешься, — со всей серьёзностью сказал Коваль, положив парню руку на плечо, после чего удалился.

Илья какое-то время продолжал сидеть, глядя в пустоту. Затем, нахмурившись и сжав зубы, встал, и отправился в кузню. Выбив из железа оставшиеся ненужные примеси, Илья отнес заготовки в домницу, нарубил дров, добавил в нужных пропорциях уголь и закрыв печь, затопил её. Затем занялся выплавкой и ковкой заготовок Ковалья, выполняя свои ру-

тинные обязанности.

Отработав несколько приемов ковки, Илья вернулся к домне. Вливая волю через печь, он заставил металл активнее и равномернее насыщаться углеродом.

Добившись нужного эффекта, он разделил заготовки на две части: одну отложил впрок, а вторую взял для себя. Слитки снова и снова сковывались вместе, сплющивались и вытягивались в форму клинка. Однако его металл был настолько качественным и прочным, что плохо поддавался обработке. В результате получилась грубая заготовка, лишь отдаленно напоминавшая полуторный меч: толстая, тяжелая, с тупыми краями. Более-менее удалась только рукоять.

Обмотав её полосками кожи и соорудив из пары необработанных шкур подобие ножен, Илья закинул меч за спину. Со стороны его творение скорее приняли бы за палицу или топор, чем за настоящий клинок. Но Илью это не волновало. Сейчас ему нужен был не боевой меч, а тяжелое тренировочное оружие.

После этого Илья взял заготовки дяди Коваля, и начал сращивать их со своими, попутно перековывая. Он собирался выковать набор мечей для тиуна. Но слова кузнеца отбивались ударами при каждом падении молота. А потому он ковал. И закалял. Закалял и снова ковал. Закалял и ковал. Металл был уже идеальным. Но Илья не останавливался. До тех пор, пока руки не опустились, обессилев, а из повязок не просочилась кровь. Только после этого на его глазах на

мгновение проступила влага, он поднял глаза к небу и что-то беззвучно прошептал.

Чертополох

На самом богатом дворе погоста суетились люди. Кто посмелее, старались заниматься рутинными делами. Кто побозливее — не попадаться на глаза хозяину.

— Куда вы смотрели, выродки! Кроме меня ночью никто и бровью не повёл! В сговоре небось с похитителями! Да как вы посмели ночью спать, ироды! — кричал, сотрясая сжатыми кулаками воздух, и бросая посуду в слуг, массивный гость. — Чего уставилась? Бегом, приведи сюда тиуна! — заорал он на пробежавшую по дому девку. — Гаврила! Дай мне кнут, буду их учить уму-разуму! Гаврила?! Беспользый выродок

Побитый Гаврила доковылял в светлицу, где никак не мог прийти в себя Житомир.

— Да, дядя, ты меня звал?

— Конечно я тебя звал! Где ты шляешься? Ты позвал плотника? Как сломали дверь? — с нетерпением требовал ответов купец.

— Позвал, позвал. Но он ничего не знает, сказал, что замок рассыпался, проржавел...

— Как это, проржавел?! Что за чушь! — кричал Житомир, чередуя слова с брызгами слюны.

— Я сам не понимаю, говорит, дерево не тронута, повсюду замочная ржа Дядя, можно я пойду, прилягу. Мне знахарь

велел

— Чего?! — рявкнул Житомир. — Здесь все делают, что я велю. Смекнул? Какие же все непутёвые Всё надо делать самому! Дождись тиуна и всё ему покажи. Понял?

Гаврила кивнул, не смея смотреть в глаза дяде.

— Пусть отработывает свой хлеб. А я пока наведуясь кое-куда. Кстати, что с лошадьми? Приболевшие есть?

— Ботва, кажись, чуток прихрамывала, но может пройдёт. А чего?

— А того. Не твоего ума дело. Выполни, что велено. Приеду — спрошу.

Спустя какое-то время Житомир пробирался сквозь тёмную чащу леса в нескольких вёрстах от погоста. Когда-то давно он случайно наткнулся на это место. В чащах вокруг было много мрачных пролесков, но это место казалось ему всегда особенно жутким. Даже его лошадь не знала дороги, поэтому ему то и дело приходилось чуть ли не силой заставлять её двигаться всё глубже в дебри. Животное постоянно настораживалось, прижимало уши, пыталось повернуть назад и недовольно било копытом о землю.

Но Житомир неумолимо двигался вперёд, ведомый своей алчностью и страхом за богатство, спрятанное где-то в глубине леса.

— Ну-ну, Ботва, перестань упрямиться. Мы уже скоро доберёмся до нужного места. Проверим, всё ли там на месте, заодно положим туда эту сумочку, — купец погладил рукой

большую кожаную сумку, вес от которой клонил его на правую сторону.

Житомир продолжал двигаться вперёд, а лес вокруг становился темнее и мрачнее. Странные завывания и скрежет всё сильнее давили на его разум. Это чувство приходило каждый раз в этом месте. И не только к нему, но и к животным. Каждая лошадь, на которой он здесь бывал, вела себя как Ботва. Он был уверен, что никто не знает о его тайнике.

Тем не менее, недавние события заставили его усомниться в своей безопасности. Всё чаще ему приходила мысль: а не выследил ли кто-нибудь его раньше, когда он приходил проверять свой тайник? Нет, этого не могло произойти. Но всё же...

Житомир продолжал идти вперёд, подавляя собственное чутьё и нарастающее чувство опасности. Он спрыгнул с Ботвы и привязал лошадь к небольшому деревцу.

— Ну всё, Ботва, пришли. Ты уж извини, но это твоя последняя прогулка. Что ж, жди меня здесь, а я скоро вернусь.

Отмерив несколько сажень от берёзы, на которой был вырезан знак, Житомир принялся очищать землю от дерна. Под дерном оказалась деревянная дверца, связанная из ровных палок и прутьев, без единой прорехи и хорошо просмоленная. Подняв дверцу, Житомир открыл вход во вместительную землянку. Затем он разжёг факел и полез в проём.

— Кажется, всё на месте, — заключил Житомир, проведя небольшой осмотр и расплываясь в улыбке.

Он погрузил свои руки в сундук с серебром, испытывая неопишваемое блаженство. Пальцы задрожали. Выпустив из рук серебро, он потянул к себе сундучок поменьше, тот, в котором он хранил недостижимый даже для многих князей металл — золото.

Взгляд невольно коснулся двух черепов, и на лице Житомира промелькнула тень ухмылки. Это были две шкатулки, искусно сделанные, но от того не менее жуткие.

— Сидор, Афанасий, как хорошо, что вы на месте. Я даже по вам немного скучал... — сказал Житомир, обращаясь к черепам. Он потер слегка влажные руки, предвкушая, что ещё из своих многочисленных запасов он потрогает и рассмотрит.

— Я к вам с обновкой! — сказал купец, ставя перед собой сумку. — Глядите, какие монеты! Новенькие. И серебро, и золото. Вон, даже со своим печатным знаком. И почему он выбрал чертополох?

Блаженство длилось недолго. Через какое-то время раздалось ржание Ботвы, лошадь забила копытами и издала истошный хрип, после чего стихла. Житомир прижался к стене, сжимая в руке факел и замер.

— Это ещё что за нечисть — ошарашенно прошептал он, после чего потянулся за небольшим, украшенным самоцветами, кинжалом.

Время тянулось, как чёрная смола. Немного посомневавшись, купец решил, что не сможет бесконечно сидеть в зем-

лянке. От горящего факела становилось трудно дышать. Житомир стал постепенно подниматься по лестнице, оставив факел внизу, и выставив клинок впереди себя.

Высунувшись из ямы, он устремил свой взгляд в сторону того места, где оставил Ботву. Белая кобыла лежала на земле неестественно вывернув шею. Присмотревшись сквозь сумрак, Житомир разглядел непропорционально вытянутое человекоподобное существо, нависающее над лошадьёю и торопливо пожиравшее её внутренности. Житомиру хотелось взвыть от отвращения, но он сдержался. Его единственной надеждой было нанести смертельный удар чудовищу исподтишка и бежать...

«Оно меня не увидит, главное, чтобы рука не дрогнула», — подумал купец.

Он приготовился сделать быстрый и ловкий прыжок, на который только был способен, как вдруг почувствовал еле ощутимое движение воздуха позади себя.

Волосы на голове зашевелились. По телу побежала дрожь. Он медленно повернул голову. Сверху на него смотрели два желтых глаза. Из огромной клыкастой пасти на его лицо капнула слюна.

В следующий миг раздался истошный крик. На этот раз человеческий.